

№5
Май 2016

РУССКИЙ КЛУБ

С Днем Победы!

Мир без преград

8 (800) 200-77-99

звонок по России бесплатный

www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ. Генеральная лицензия Банка России № 1000

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ
Донара КАНДЕЛАКИ
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
ГОГИ КАВТАРАДЗЕ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ
ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ
ДЖАНСУГ ЧАРКВИАНИ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№5⁽¹²⁷⁾
Май 2016

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ВЕЧНЫЙ КОРАБЛЬ ЗАЖИГАЕТ ОГНИ
МЕДЕЯ АМИРХАНОВА
- 9 «ТВОРИ, ПРОРОЧЕСТВУЙ, ЛЮБИ!»
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 12 «И ТО, ЧТО ЗЛОБОЮ РАЗРУШЕНО,
ПОСТРОИТ ЗАНОВО ЛЮБОВЬ»
ВЛАДИМИР САРИШВИЛИ
- 14 «ГАЛАКТИКА ГАЛАКТИОНА»
АНАИДА БЕСТАВАШВИЛИ
- 16 РОБЕРТ ФРОСТ ГЛАЗАМИ ГРУЗИНСКОЙ ХУДОЖНИЦЫ
ОЛЕСЯ ТАВАДЗЕ
- 18 «МНЕ НЕ СКУЧНО ЖИТЬ!»
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 24 «Я ТРОГАЮ СТАРЫЕ СТЕНЫ...»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 30 ПРАВИЛА ЖИЗНИ ДМИТРИЯ МЕРАБИШВИЛИ
НИНА ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ
- 34 ИГРОВОЙ ТЕАТР ПРОТИВ ИМИТАЦИИ РЕАЛЬНОСТИ
ЕЛЕНА СКУЛЬСКАЯ
- 36 ГРИБОЕДОВЦЫ ПОКОРИЛИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
- 37 ОБРЕТЯ ЛЮБОВЬ В ТБИЛИСИ...
КАРИНА ПОГОСОВА
- 40 СНЫ В ТБИЛИСИ
ИЛЬЯ ЛИСНЯНСКИЙ
- 44 ПОД СОЛНЦЕМ – ГРУЗИЯ МОЯ
ВАЛЕРИЙ САНДЛЕР
- 48 ФУТБОЛИСТ МЕЧТЫ
ДЕМИКО ЛОЛАДЗЕ
- 52 ЛЕГЕНДАРНЫЙ СОЛЛЕРТИНСКИЙ
ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ

На обложке – Вечный огонь

от ДО

■ Роб АВАДЯЕВ

СВЯТАЯ РАВНОАПОСТОЛЬНАЯ НИНО И ЦАРЬ ГРУЗИИ

Как известно, Грузию крестила Равноапостольная Святая Нино. По отцу она приходилась родственницей Святому Георгию и была племянницей Иерусалимского патриарха по матери. Нино родилась в Каппадокии и с юности посвятила себя служению Христу. В поисках нетканого Хитона Господня Нино дошла до грузинской Мцхеты, где нашла приют в семье царского садовника и исцелила его жену от бесплодия. Слава о ней дошла до грузинской царицы Наны. Нино исцелила и ее от тяжкого недуга. Естественно, что царь Мириан тоже пожелал познакомиться с ней. Но языческие жрецы из его окружения настроили царя против проповедницы. По преданию, однажды царь ослеп. Пораженные ужасом сановники приняли умолять своих языческих идолов о возвращении зрения монарху, но он отказался и, по совету Нино, обратился с мольбой к истинному Богу – и свет вернулся к нему. Царь Мириан крестился сам и призвал к тому свою семью и свиту. В 326 году христианство было принято в качестве государственной религии.

СКРЯБИН И «АРГЕНТИНА»

Знаменитый на весь мир советский пианист и педагог Владимир Софроницкий родился сто пятнадцать лет назад 8 мая 1901. Он был сыном петербургского ученого-физика, правнучатым племянником известного русского художника XVIII века Владимира Боровиковского и сокурсником по консерватории Дмитрия Шостаковича и Марии Юдиной. Софроницкий прославился, как блестящий исполнитель Скрябина, его интерпретации фортепианных произведений этого композитора считаются эталонными. Но он был не только выдающимся музыкантом, но и известным острословом и изобретателем палиндромов – фраз-перевертышей, типа всем известной «а роза упала на лапу Азора». Так вот, перевертыши «Не пошл Шопен», «А Лист – сила!», «Хил, худ он, но дух лих», «Леша на полке клопа нашел», «Сенсация, поп яйца снес» и общеизвестная «Аргентина манит негра» – это все Владимир Софроницкий.

ОТ ДОМА ТУРБИНЫХ ДО «НЕХОРОШЕЙ КВАРТИРЫ»

Гениальный автор «Мастера и Маргариты» прожил жизнь непростую, полную потрясений. Добавим еще, не очень недолгую, но творчески очень насыщенную. И она уместилась между двумя домами – от его киевского на Андреевском спуске, описанном в «Белой гвардии», до московской квартиры в доме на Садовом Кольце, куда он поселил Воланда со свитой. Михаил Афанасьевич Булгаков родился 15 мая 1891 года в семье доцента Киевской духовной академии. Учился Миша в Первой киевской гимназии. Там он не только показал себя блестящим и разносторонним учеником, но и прославился в мальчишеских сражениях «стенка на стенку», по

воспоминаниям его однокашника Константина Паустовского, как отважный драчун. В 1916 году окончил медицинский факультет университета и тут же отправился в прифронтовую зону. Был сначала земским, а потом в Гражданскую военным врачом. Причем именно в Белой армии Булгаков многое пережил – и тоску российской глубинки, где чуть не стал наркоманом, пристрастившись к морфию, прописанному ему, как средство против аллергии на антидифтерийный препарат. Видел голод, разгул петлюровских и «зеленых» банд, разруху и хаос, деморализованность и безысходность отступающих на юг войск добровольческой армии. Заболел тифом и остался на полтора

года во Владикавказе. Здесь он был уже не только врачом, но и литератором. А с 1921 года он отправился покорять Москву. После окончания Гражданской войны, многие бывшие «белые» рискнули зажечь нормальной мирной жизнью. И, представьте себе, прижились – до страшных лет Большого террора было еще далеко. Булгаков устроился работать в газету «Гудок», где собралась прекрасная и талантливая творческая молодежь из «понаехавших» – Катаев, Олеша, Паустовский, Ильф и Петров. Михаилу Афанасьевичу удалось легко адаптироваться к московской жизни и стать заметной фигурой в литературном мире. Фельетоны печатались в разных московских изданиях и даже в берлинской эмигрантской газете «Накануне». В 1923 году он был принят в Союз писателей, и это открыло Булгакову многие двери. Он начинает писать пьесы для московских театров – «Иван Васильевич», «Бег», «Зойкина квартира», «Багровый остров». И, конечно же, по выражению Станиславского, свою «Жизнь за царя» –

пьесу «Дни Турбиных». На следующий день после премьеры, по словам того же Станиславского, «газеты было страшно читать! Получилась действительно «Жизнь за царя»... Но Сталину спектакль МХАТа чем-то понравился, он смотрел его не менее 14 раз. Это, по всей видимости, и спасло жизнь писателю. Хоть Вождем народов и говорил, что «Дни Турбиных» – «антисоветская штука, и Булгаков не наш», но в период оголтелой травли – 298 ругательных рецензий против 3 положительных – не дал в обиду. Булгакова зачислили в штат Художественного в качестве режиссера-ассистента. Но недруги успокоились ненадолго. Снова последовали разгромные статьи, отмены премьер и вывод спектаклей из театрального репертуара. Булгаков болел, кормился переводами и написанием либретто для Большого театра. Ему поставили страшный диагноз – гипертонический нефросклероз. Он долго и мучительно умирал. Но в последние десять лет в его жизни с ним были обессмертившие его имя Мастер и Маргарита. Последнюю версию романа он закончил диктовать за месяц до смерти.

«РУССКИЙ» СЛЕД В ИСТОРИИ ДОМА ШАНЕЛЬ

А знаете ли вы, что легендарные духи «Шанель №5» изобрела вовсе не знаменитая Шанель? Да, она буквально перевернула всю традиционную моду «до нее» и создала стиль современной женщины. Но обязана ли хозяйка всемирно известного Дома моды вникать в каждую деталь и изобретать каждую мелочь? Ведь известно, что даже на Александра Дюма работали «литературные негры», «разминавшие» для него перспективные темы и даже писавшие первые версии ставших бессмертными романов. Так и мадемуазель Коко Шанель частенько пользовалась чужими наработками. Это случилось в конце 1920 года. У Шанель на тот момент был весьма родовой воздыхатель – великий князь Дмитрий Павлович, кузен последнего царя и убийца за-

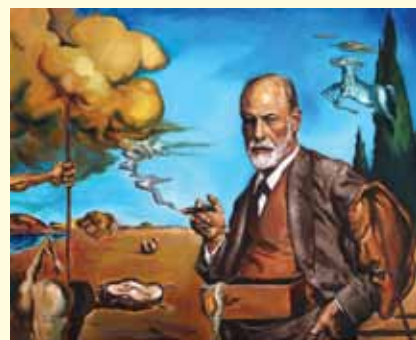

гадочного Распутина. Этот красивый тридцатилетний русский привлек внимание знаменитой француженки вовсе не только своим богатством, хотя она жаловала небедных ухажеров, а своей аристократичностью и вкусом. Князь познакомил Коко с целой плеядой великолепных, талантливых, а главное полезных эмигрантов из России. И одним из них был парфюмер Эрнест Бо – сотрудник и сын владельца старейшей фирмы Ралле, бывшей поставщиком императорского двора. Он-то, по просьбе Дмитрия Павловича, и взялся составить для Шанель духи для «настоящих» женщин, лишенных приторности цветочных запахов, отдававшим, по ее словам, «буржуазностью». Говорили, Бо смешал до 80 разных запахов, применив синтетические мускусы для фиксации композиции – точный рецепт до сих пор держится в секрете. Эрнест сумел добиться эффекта свежего запаха морозного дня. А мадемуазель Коко из десятка пробирок с вариантами выбрала пятую, добавив в нее немного ландыша. И это историческое событие – день создания самого знаменитого запаха в истории – случилось в мае 1921 года пятого дня.

«НЕ ФРЕЙДОМ ЕДИНЫМ»

Мало на свете людей, которые оставили в истории такой глубокий след, как великий психиатр и создатель психоанализа доктор Зигмунд Фрейд, а правильнее... Фрейд. Ему 6 мая этого года исполняется 160 лет со дня рождения. Он был выходцем из еврейской семьи торговца шерстью из крохотного моравского городка Фрайберга. С самого детства Зигмунд демонстрировал исключительные способности от естественных наук и зоологии до литературы и философии. Семья постаралась создать ему хорошие условия – от отдельной комнаты с керо-

синовой лампой – у остальных детей были свечи – до запрета на шум и музыку. И эти родительские усилия с лихвой окупились, молодой Зигмунд был первым учеником в гимназии, с легкостью поступил на медицинский факультет Венского университета, сдал на отлично выпускные экзамены и получил степень доктора. Но к моменту окончания обучения Фрейд уже определился с направлением в жизни. Он стал врачом-неврологом, ученым-психиатром, психологом и научным писателем. У него была довольно обширная врачебная практика, и в ней он черпал примеры психических аномалий, создав базу наблюдений, которая помогала ему выбирать те или иные методы лечения. В 1895 году Фрейд открыл метод свободной ассоциации. Именно он и стал основой знаменитого фрейдовского психоанализа. А еще была реконструкция смысла сновидений, теория сексуальности, «эдипов комплекс», разработка трехкомпонентной структурной модели психики «Оно-Я-СверхЯ»

и многое другое.

Далеко не все соглашались с его выводами, некоторые ученики избирали другие пути познания. До сих пор отдельные аспекты его теорий не признаются в научной среде. В нацистской Германии его книги жгли в кострах. «Какого прогресса мы достигли! В Средние века они сожгли бы меня самого, а теперь удовлетворяются сожжением моих книг!» – говорил он. А сколько было шуточек про «оговорки по Фрейду»! Но что бы ни говорили, Зигмунд Фрейд вошел в историю, как один из пары десятков самых выдающихся мыслителей, оставив наследие из 24 томов.

Никита Аветов

ВЕЧНЫЙ КОРАБЛЬ ЗАЖИГАЕТ ОГНИ

■ Медея АМИРХАНОВА

В детстве я часто слышала рассказы бабушки о двух ее братьях, ушедших на фронт. Происходило это обычно, когда бабушка готовила. И хоть истории давно нам были знакомы, мы с братом снова и снова включались в расспросы. Может, потому, что много в них оставалось недосказанного.

Давид и Никита Аветовы родились в Кахети, в Цители-Цкаро (ныне – Дедоплис-Цкаро), в семье кондитера и продавца Ивана Аветова. Кроме них, в семье моего прадеда подрастали еще пятеро детей. Давид отличался способностью к рисованию, ему с легкостью давались самые мудреные чертежи. Никита учился одинаково ровно на отлично по всем предметам и всегда мечтал о «мореходке». После окончания школы он «сорвался» вместе с двумя товарищами и уехал поступать в Ленинград. Его зачислили в военно-морское училище имени Орджоникидзе.

Давид не имел специального военного образования. До призыва в армию он успел женить-

ся в Цители-Цкаро. И Надежда (так звали русскую девушку, его землячку) ездила в гости к мужу на Украину. Из армии Давида забрали на фронт. В июле 1941 года от него перестали приходить письма. Вскоре родные получили уведомление – «пропал без вести». Уже в мирное время бабушка многократно обращалась в различные инстанции и всегда приходил один и тот же ответ: «Пропал без вести. Основание – Алфавитная книга безвозвратных». Спустя много лет мне захотелось хоть как-то приоткрыть завесу этой истории, тем более, что интернет облегчает поиск, дает массу возможностей. На портале www.obd-memorial.ru хранится лишь отсканированная копия старого печатного документа. Аветов Давид Иванович – техник-интендант 2 ранга. Груз. ССР, г. Цители-Цкаро, армянин, служащий, член ВКПб. Воевал в составе 6-ой армии бывшего ЮЗФ. Дата выбытия – 07.1941. Данных нет.

Что ж... Давид так никогда и не узнал, что у него родился

сын Владимир, и его поднимала вместе с Надеждой, Надей моя бабушка Флора Ивановна. Владимир (а для нас просто Вова) живет в Риге, он уже на пенсии. Всю жизнь проработал на известном латышском электро-техническом заводе VEF. Собирает спидолы, радиоприемники, телефоны, магнитофоны...

Судьба Никиты известна. Выучившись на штурмана, он служил во время войны на подводном флоте. Имя его, так же как и остальных товарищей нераздельно связано с подводной лодкой «Л-19»...

Этот корабль строился в Николаеве, потом был перевезен по железной дороге во Владивосток и завершен на Дальзаводе. Осенью 1943 года на состязаниях по торпедным атакам Тихоокеанского флота «Л-19» под командованием капитана Е.Алексеева заняла первое место. В марте народный комиссар Военно-морского флота издал приказ о полной смене личного состава «Л-19». Предстояло в кратчайшие сроки комплектовать новый экипаж. И к маю 1944 года новая команда была сформирована – в нее вошли опытные офицеры,

Подводная лодка Л-19

Командир Л-19 Анатолий Кононенко

старшины, старослужащие и молоденькие краснофлотцы (по 17-18 лет), которых набрали из учебного отряда. Старший лейтенант Никита Аветов выполнял на этом корабле обязанности штурмана. Возглавил команду капитан 3 ранга Анатолий Кононенко.

Корабельная семья получилась сплоченной, целеустремленной. Планку, установленную предыдущей командой, они удержали, также завоевав первое место в состязаниях по торпедным атакам.

Днем Победы принято считать 9 мая. Но такая масштабная война не могла закончиться враз, непросто было остановить машину смерти, запущенную безумцем. Положение на Востоке оставалось напряженным. Приближалась война с Японией. 19 августа 1945 года «Л-19» заняла позицию у северо-западного побережья острова Хоккайдо (подходы к порту Румой). Эта боевая операция имела несколько целей: сорвать эвакуацию японских войск с награбленным грузом из Сахалина в Румой, не допустить возможного удара с моря японских кораблей по советскому десанту, выполнявшему в Южном Сахалине спецплан. 22 августа «Л-19» получила приказ

форсировать пролив Лаперуза. Подводная лодка дважды успешно атаковала японские конвои, потопив вражеский транспорт водоизмещением 8.000 тонн и повредив другой – водоизмещением 15.000 тонн.

25 августа «Л-19» отправила радиограмму – обнаружено минное поле. Вскоре после этого связь с подводной лодкой прекратилась. Никто не знает с точностью, почему «Л-19», выполнив свое задание, не вернулась на базу. Даже самый опытный командир не гарантирован от элемента внезапности, особенно в море, на подводной лодке, в бою. Когда прошли все сроки ожидания, корабль объявили погибшим...

Навечно остался в морских глубинах весь экипаж «Л-19» – 64 человека. О чем думал в последние мгновения Никита? Скорее всего о маме, о своих братьях и сестрах в далеком солнечном Цители-Цкаро, о цветущих весной в их саду фруктовых деревьях. «У вас сейчас, наверно, много фруктов. Здесь в этом отношении немного хуже. За эти годы я вчера только вновь попробовал дыню. Яблоки и груши удаётся попробовать лишь иногда. Но в остальном не жалею. Прощу вас, не ждите, пока на-

пишу я – пишите чаще. Я очень рад, когда получаю письмо из дома». Строки из письма Никиты, 08.09.1944г.

Есть разные версии гибели «Л-19». Согласно одной из них, судно могло быть атаковано американской подводной лодкой, которая вела перехват всех сигналов бедствия с японских кораблей и точно вычислила координаты «Л-19». У союзников СССР были в этой войне свои интересы. Хотя внешне все выглядело вполне благопристойно. Торпедная атака могла быть устроена «шиито-крыто».

«Л-19» была последней подводной лодкой, погибшей во Второй мировой войне. Во Владивостоке, в бухте Улисс, стоит памятник героическому экипажу. Мемориал этот соорудили по инициативе ветеранов-подводников в 1960 году. Позднее (когда подлодки типа «Ленинец» вывели из боевого состава) рядом с обелиском установили ограждение боевой рубки субмарины «Л-12» Памятник приобрел черты подводной лодки.

Ежегодно в день гибели «Л-19» у него собираются моряки и, преклонив колена, отдают почести. Курсанты принимают тут присягу. Памятник называют «вечным кораблем». На сайте

У памятника подлодке Л-19 во Владивостоке

телекомпании «Владивосток» вдруг обнаружила сюжет – бригада подводных лодок отмечает свое 80-летие. Военные в шинелях маршируют на фоне памятника «Л-19». Это очень эмоциональный момент – знать, что память о Никите и его товарищах жива, ответ на потребность души, особенно если не можешь попасть во Владивосток.

Сама подлодка до сих пор не найдена, хотя регулярно ведутся поисковые экспедиции в проливе Лаперуза. В поиске «Л-19» участвуют гидрографические и научно-исследовательские суда. Значительная часть пролива обследована: но ни один из затонувших судов, схожих с погибшим кораблем по размерам, не идентифицирован как «Л-19».

До определенного момента родные Никиты не знали подробностей его гибели. После «похоронок» в Цители-Цкаро получили чемодан с его личными вещами – отрез на шинель, облигации... Никиту посмертно наградили орденом Отечественной войны 1 степени. Лишь в 1983 году в Тбилиси на имя моей бабушки Флоры Маркаровой (Аветовой) пришло письмо из Феодосии – от ветерана-подводника Леонида Трахтенберга. В нем рассказывалось о боевой биографии штурмана Аветова, о ближайшем его окружении. Помню, как долго плакала над письмом бабушка, вся ее затаенная боль вдруг вырвалась наружу. Потом мы отмечали это событие в кругу родственников. С капитаном Леонидом Трахтенбергом у бабушки завязалась настоящая дружба, письма из Феодосии приходили так часто, словно она находилась не на другом конце Союза, а где-то рядом. Леонид Соломонович открыл в одной из комнат своего дома на улице Галерейной (где находятся неподалеку музеи писателя А.Грина и

И.Айвазовского) музей подводной лодки «Л-19». О каждом из 64 членов экипажа была собрана информация. Поиск их родственников принял всесоюзный характер (музей основали подводники М.Ананьев, Ф.Асламов, Л.Трахтенберг и З.Кудря). Леонид Трахтенберг регулярно сообщал нам новости из жизни музея, рассказывал о вдове командира «Л-19» Тамаре Николаевне Кононенко... Из Тбилиси летели эмоциональные, размашистым почерком написанные письма на десяток листов – о нашей жизни, грузинских обычаях, обо всем. Трахтенберг ведь был связан с памятью о Никите. Точно так же к нему относились родственники других моряков. «Долгие годы, – как-то написала Тамара Кононенко, – семьи погибших героев жили со своим горем, а вы принесли им нечаянную радость, и в этой радости объединили эти семьи».

Однажды из Ленинграда (в начале 90-х город назывался именно так) мы получили поэтический сборник известного тогда писателя Вячеслава Кузнецова с теплыми словами автора. Одно из своих стихотворений «Вечный корабль» он посвятил памяти экипажа «Л-19»:

*Они ушли в такие дали,
нелегкий проложив маршрут,
что день их ждали,
месяц ждали –
их на земле поныне ждут.*

*В их честь матросы-одногодки,
не забывая о былом,
воздвигли монумент,
а лодку
назвали вечным кораблем.*

*Корабль тот мертв,
он в землю врезан,
но полночь вызвездит –
взгляни:
на двух бортах его железных
вдруг зажигаются огни.*

*Не раз смотрел я, пораженный,
как до утра они горят,
как к кораблю приходят жены
и с ним безмолвно говорят.*

*Их тот поймет,
кто был любимым.
И как-то веришь в этот час,
что все ушедшие в глубины
живут незримо среди нас.*

...По вечерам в бухте Улисс на ходовой рубке «Л-19» зажигаются огни. «Вечный корабль» живет, он открыт океанским ветрам и зовет к новым подвигам.

Елена Исаева, Олеся Николаева, Валентина Поликанина и Алина Тальбова. Тбилиси

«ТВОРИ, ПРОРОЧЕСТВУЙ, ЛЮБИ!»

■ **Инна БЕЗИРГАНОВА**

Белорусского поэта Валентину Поликанину – постоянного участника русско-грузинского поэтического фестиваля, проводимого МКПС «Русский клуб», хорошо знают читатели журнала «РК». Знают как оригинального, тонкого лирика, предельно искреннего, открытого в каждом своем слове. Стихи – это ее свободное дыхание, полет души, плод долгих размышлений о сути человеческой, о том, для чего мы приходим в этот мир. Из этих размышлений и состояний родились и эти строки...

СЕРДЦЕ

Из данных медицинского обследования: «фронтальный разрез сердца показал, что наружная его стенка представляет собой окружность; межпредсердная и межжелудочковая перегородки вместе с фиброзными кольцами клапанов представляют собой крест...»;
«Больше всего хранимого храни сердце твое» (Притч. 4: 23).

*Живем, как будто мы бессмертны:
 Дней нераскаянных не счесть.
 И все мы носим крест насердный,
 Не зная, что у нас он есть.*

*А сердце ждет желанной встречи
 С библейской правдой образов.
 Слепой зародыш человеческий
 Уже имеет этот зов.*

*Посмотришь: тело онемело,
 А сердце хочет говорить...
 И даже вне родных пределов
 Оно одно умеет жить.*

*Ему спешить необходимо:
Извечный промысел таков.
В его пространстве проходимо –
Все нервы-импульсы веков.*

*Считая лет земную данность,
Молитву, слитую с душой,
Оно читает неустанно
На круге малом и большом.*

*Ему сопутствует Создатель,
Ведь сердце, равное уму,
Своим познаьем благодати
Питает истину саму.*

*Советчик, исповедник, лекарь,
Добро в себе не истреби.
Будь сильным, сердце человека,
Твори, пророчествуя, люби!*

Заглянем в творческую лабораторию Поэта.

– Что такое стихи?

– Это попытка разобраться в себе, что-то улучшить в своей жизни, исправить ошибки, покаяться, увидеть цель, смысл жизни. Поэтическое откровение – это начало самоисцеления, стремление найти точку опоры, равновесие в беспорядочности мира, в хаосе явлений. Стихи – это еще и попытка что-то улучшить в жизни всеобщей.

– Когда пришли первые рифмы?

– В пять лет. Потом было тихое созерцание и задумчивое внутреннее размышление. В школьном возрасте писала стихи. Помню, зимой на даче уходила поговорить с ручьем. Весь лес был в снегу – молчаливый, и только один ручей гово-

Маквала Гонашвили и Валентина Поликанина. Батуми

рил со мной. Впечатление было тихое, но глубокое.

– Что для вас самое важное в жизни?

– Жить, зная, для чего живешь.

– Каков ваш главный жизненный принцип?

– Не люблю, когда на меня давят, насаждают свою волю. Я должна сама дойти до понимания явления.

– Кто из писателей, поэтов повлиял на ваше становление как литератора?

– Пушкин, Чехов, Достоевский, Арсений Тарковский, Евгений Евтушенко, Булат Окуджава, Геннадий Русаков. Из зарубежных – Бальзак.

– Любимое произведение?

– В разное время – разные. Но любимыми остаются «Евгений Онегин» Пушкина и повесть «Черный монах» Чехова.

– Что для вас самое интересное в мире?

– Сама жизнь, ее повороты, круги, дороги, ее судьбоносные «дорожные указатели», опорные пункты для души, станции назначения... Интересны люди, их мысли, чувства, разочарования, надежды, творчество. А самое интересное – глубина мыслей и чувств людей, достигших святости.

– Ваше творческое кредо?

– Глубина чувств, лиризм, жизненные впечатления – при полете фантазии, воображения. Для меня важно чувствовать остро, ярко, ощущая пульс времени; не вымучивать стихи, а дожидаться особого момента, когда кажется, что наступает творческое прозрение, нисходит вдохновение.

– Главенствующая тема в вашем творчестве?

– Всмотривание в мир, запись кардиограммы жизни... Но мне свойственна не публицистичность описания, а некая вневременная отстраненность и обобщение прочувствованного.

– Как рождаются ваши стихи?

– Стихи обычно прилетают «стаей», как птицы, пишутся циклами – после большой паузы, во время которой происходит накопление творческой энергии, мыслей, ощущений... Раньше писала по ночам, теперь в разное время, когда стихи «нахлынут»... Но больше всего стихи любят мой дачный участок в четыре сотки; дом, где в окна стучатся ветки яблони и стоит старый деревянный стол.

– Что больше всего цените в стихах?

– Поэзия интересна нестандартностью художественных образов, глубиной мыслей, чувств и музыкальностью. У Николая Заболоцкого есть

такие строки: «Откройся, мысль! / Стань музыкаю, слово, / Ударь в сердца, / Чтоб мир торжествовал...» Очень точное описание... Я люблю классичность формы, естественность стихов, их эмоциональную насыщенность и яркую метафоричность.

– Какие средства художественной изобразительности используете в своем творчестве?

– Когда пишу, об этом не думаю. Это врожденное, свойственное творческому мышлению. Конечно, филологическое образование мне дало знания о тропах, их использовании в поэзии, но это происходит само собой, потому что мыслю образами, одухотворяю и оживляю природу, все окружающее. Кстати, в минской гимназии №15 под руководством Галины Станиславовны Кулешовой учащиеся основательно исследовали мои стихи, написав шесть научных работ по художественным особенностям моего творчества. Они нашли, что в стихах много метафор, сравнений, олицетворений, эпитетов, метонимий, окказионализмов, афоризмов; нашли цветопись и музыкальность. И эти исследования продолжаются.

– Какие формы используете в поэзии? К каким жанрам обращаетесь?

– Есть сюжетные стихи, поэтические раздумья, лирические описания, философские размышления, циклы стихов, поэмы. Все жанры представлены в моей юбилейной книге «Не сдавайся времени, душа!» Там есть стихотворения, поэмы, рассказы, миниатюры, эссе, лирические очерки, творческие портреты, литературные зарисовки, переводы.

– Ведете ли дневники, записные книжки? Есть ли черновики?

– Веду дневник, но записи делаю редко, в особых случаях. Черновиков много, причем люблю писать в них карандашом (у меня черновики в прямом смысле – черные: много зачеркнуто, исправлено, когда после написания стихотворения начинается работа над словом, уточнение, поиск наиболее точного слова).

– Миссия поэзии, на ваш взгляд?

– Расскажу одну мистическую историю. Мне иногда снятся сны, которые сбываются. В 2008 году увидела очень необычный сон. Толпа людей, стоящих плотно друг к другу. Среди них – моя мама, знакомые, которых уже нет на этом свете... Они подносят мне большую книгу, наподобие церковной Библии, в металлической оправе, обитую красным бархатом... Все строчки в книге написаны кровью... Мне говорят: «Ты должна знать, читай: «Поэзия – день сороковой истории». Читаю – и просыпаюсь, но сон такой яркий, что не забыть... Утром пытаюсь расшифровать эти слова и понимаю, что на сороковой день душа полностью покидает земные пределы... Фраза становится краткой и ясной: «Поэзия – душа истории». Эти слова я взяла в эпиграф к книге «За плотью слов»... Однажды в праздник Вознесения Господня мне открылись новые смыслы приснившейся фразы «Поэзия – день сороковой истории»: на сороковой день свершились многие великие подвиги (пророк Моисей постился сорок дней и ночей; Иисус Христос сорок дней и ночей провел в пустыне и поборол дьявола и т.д.), значит, «Поэзия – великий подвиг истории». На сороковой день (по Закону Моисееву) всех младенцев приносили в храм крестить, значит, «Поэзия – крещение истории». На сороковой день случилось Вознесение Господне, значит, «Поэзия – вознесение истории» (в ней – высота жизни, событий, явлений). Господь вознесся на небо, значит, «Поэзия – небо истории» (ее духовность). Небо в данном случае – не космос, а Царство Божие, значит, в высшем своем смысле, «Поэзия – Царство Божие истории»! Вот она – дорога к первоизданной поэзии – Библии!

Царство Божие – это царство добра, любви и вечной истины, значит, «Поэзия – добро, любовь и вечная истина истории». Вот вам и ответ на вопрос, к чему призвана поэзия. Она должна нести свет в людские души. А если в душах есть свет, жизнь будет продолжаться.

*Да, слово может быть удачей,
Когда оно – духовный труд.
Но слово бедствует и плачет,
Когда его не берегут.
Оно растрчивает силы
В работе низкой и пустой,
Но снова хочет быть красивым
И исцелиться высотой.*

«И ТО, ЧТО ЗЛОБОЮ РАЗРУШЕНО, ПОСТРОИТ ЗАНОВО ЛЮБОВЬ»

■ **Владимир САРИШВИЛИ**

Председатель Творческого Союза писателей Грузии Маквала Гонашвили удостоена престижной российской Литературной премии имени Сергея Михалкова за книгу лирики последних лет «Запоздалая встреча» (Москва, 2015).

– Будто не было этих тридцати сумбурных, безрассудных, трагических лет взаимных распрей и обид, от которых более всего пострадали близкие по духу люди по обе стороны границ.

С такой эмоциональной экспозиции началась беседа с блистательным мастером лирической, лирико-философской и философско-патриотической поэзии Маквалой Гонашвили, вернувшейся на родину после вручения ей Литературной премии имени Сергея Михалкова.

– Эта премия, учрежденная несколько лет назад, ранее была наградой за произведения для детей и подростков, – рассказывает Маквала Гонашвили. – Но в 2016 году были учреждены премии не только для детских писателей, но и номинации для поэтов и прозаиков, а также публицистов, пишущих для взрослых.

– **Как тебя встретили старые друзья?**

– Накал эмоций трудно передать. Слезы, объятия, расспросы... В Москве я не была – страшно сказать – 10 лет! Председатель Международного

Иван Переверзин вручает премию Маквале Гонашвили

сообщества писательских союзов Иван Иванович Переверзин, его заместитель Юрий Викторович Коноплянников, с которым мы дружим еще с 1988 года, когда были участниками поэтического фестиваля в Казахстане, Елена Исаева, с ней меня связывают воспоминания о поездках по Грузии в дни поэтических фестивалей под эгидой Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб»... Впечатления от долгожданной встречи, как говорят наши русские друзья, ни в сказке сказать, ни пером описать...

Но особенно щемящим сердце получился вечер в гостях у моей подруги, замечательной переводчицы грузинской прозы Дины Кондахсазовой и ее мамы Виктории Зининой, посвятившей десятки лет жизни нашему журналу «Литературная Грузия». Долгие годы духовным центром моего общения с этой семьей был муж Виктории, Роберт Кондахсазов, неподражаемый художник, человек, насквозь пропитанный духом старого Тбилиси. Чаепитие в этой семье стало одним из самых волнующих за дни моих «московских каникул». Но праздники праздниками, а дело не дремлет. И мы с Викторией и Диной договорились о переиздании ставшей библиографической редкостью чудесной книги «Литературная богема Старого Тбилиси» Иосифа Гришашвили, которую иллюстриро-

вал Роберт Кондахсазов, но эти иллюстрации так и не увидели свет. Теперь им предстоит новая жизнь, согласно последней воле Роберта. Эти иллюстрации будут изданы в Тбилиси вкупе с текстом Гришашвили – подлинной Малой энциклопедией совершенно особой жизни, быта и творчества нашего бессмертного города. Мы приурочим издание к празднику «Тбилисоба».

Незабываемыми были и беседы с Иваном Переверзиным, который поделился такой интересной деталью: «Я с детства мечтал побывать в двух странах: в Грузии, потому что зачитывался стихами Николоза Бараташвили, и во Франции, потому что обожал «Трех мушкетеров» Александра Дюма. И вот парадокс – ни там, ни там побывать не удалось, хотя весь мир исколесил».

– Значит, эти страны останутся Ивану Ивановичу «на сладкое».

– Будем надеяться. Господин Переверзин поручил нашему московскому представителю СП Грузии Бежану Намичеишвили активизировать процесс издания грузинских авторов в России.

На встрече с ним Переверзин сказал: – Мы знаем превосходных мастеров словесности, мы премируем сегодня Маквалу Гонашвили, но многие

Валентин Устинов

достойные имена, особенно молодых поэтов и прозаиков, нам неизвестны – их надо переводить, издавать. Стоит подчеркнуть, что книга И.Переверзина «Моя Одиссея», переведенная на грузинский язык, произвела яркое впечатление в кругах ценителей поэзии.

Известный общественный деятель Иван Переверзин воплотил в жизнь ряд резонансных литературных проектов, связанных с грузинской словесностью. Один из самых масштабных его замыслов – издание грузино-русской поэтической антологии-билингвы. И правление Союза писателей Грузии приняло решение отметить вклад Ивана Переверзина в укрепление русско-грузинских литературных и культурных взаимосвязей вручением российскому коллеге Литературной премии имени Ильи Чавчавадзе.

Торжественное вручение награды виновнице торжества – Маквале Гонашвили состоялось в Центральном Доме Литераторов – под фейерверк аплодисментов. Вместе с лауреатом из Грузии свои награды получили победители в других номинациях – представительница Латвии Людмила Межиньш и россияне Владимир Крупин, Иван Савельев, Владимир Мусалатин.

В составе жюри были такие известные в литературном мире фигуры, как Станислав Куняев, Валентин Сорокин, Владимир Бояринов, Людмила Салтыкова...

– Состоялся даже импровизированный творческий вечер лауреатов, на который собрались московские писатели и любители литературы. На этом вечере собравшихся ознакомили с нашими творческими биографиями, актеры зачитали мои стихотворения в русских переводах и фрагменты произведений коллег-лауреатов. Призвав на помощь великого Илью Чавчавадзе я прочитала со сцены его четверостишие «на все времена»:

Известно всем: в подлунном мире
За ночью день настанет вновь,
И то, что злобою разрушено,
Построит заново любовь!

Самым трогательным для меня стало мгновение входа в главную усадьбу – Дом отдыха Переделкино, где проходят конференции и творческие вечера. И первым бросился мне в глаза портрет в траурной рамке недавно ушедшего из жизни дорогого мне человека, прекрасного писателя, президента Академии поэзии Валентина Устинова. Это был человек необычайно теплой души, отзывчивый, а его поэтический голос отличался родниковой чистотой и звонкостью.

До этой печальной «встречи с портретом» мы с Валентином Алексеевичем виделись трижды в жизни. Но бывает и так, что нескольких встреч достаточно, чтобы почувствовать верного, вечного друга.

Наше знакомство состоялось в Казахстане в 1988 году, на поэтическом фестивале. Сразу ощутили мы родство душ, несмотря на то, что Валентин Алексеевич годился мне в отцы. А в 1990-х, когда грузинская делегация летела в Германию и мы «застряли» в аэропорту почти на сутки, я позвонила Валентину Устинову, и он приехал в аэропорт, увез весь наш «табор» к себе домой, устроил на ночлег. А наутро вновь отвез в аэропорт, помог поменять билеты...

Когда же в Москве в 2004 году состоялся мой творческий вечер, Валентин Алексеевич пришел и не сдерживал слез. Он очень изменился, постарел, я не сразу узнала его, потом подбежала, обняла. Журналисты нас окружили, интересовались: «Что вас так взволновало, это ваша бывшая студентка?». «Нет, – отвечал он, – я думал, что умру, не увидев ее»...

Если говорить о творческих результатах этой поездки, то и они налицо: мы с коллегами-лауреатами договорились перевести и издать друг друга в Латвии, России и Грузии.

Александр Эбаноидзе

Диана Рубинштейн

«ГАЛАКТИКА ГАЛАКТИОНА»

■ Анаида БЕСТАВАШВИЛИ

Это емкое и выразительное словосочетание как нельзя точно определяет значимость творческого наследия исполина грузинской поэзии Галактиона Табидзе, во многом обозначившего последующие, по крайней мере, сто лет развития родной литературы. Московский музыкальный полифонический театр «Эльмовы огни» представил на сцене Центрального дома работников искусств спектакль с таким названием, посвященный памяти Галактиона Табидзе и Владимира Леоновича. Несколькими словами о творчестве двух выдающихся поэтов, связанных невидимыми, но неразрывными узами уникального дарования, трагической судьбы, любовью к родной земле, произнес главный редактор журнала «Дружбы народов», писатель-переводчик Александр Эбаноидзе. Еще один уроженец Тбилиси прозаик Иван Оганов напомнил об огромной роли в развитии грузино-русских литературных связей поэта, критика, литературоведа Георгия Маргвелашвили, с которым состоял в добрых дружеских отношениях. Режиссер-постановщик спектакля Диана Рубинштейн, назвавшая вторую часть поэтико-музыкального действия известной строкой Владимира Ле-

оновича: «Переводчик – сломай карандаш», вдохновенно и проникновенно, донося до зрителей смысл и красоту каждого слова, читала стихи двух поэтов и знаменитое эссе Владимира Леоновича «Галактика Галактиона, или: как я переводил». Деликатно и тонко продуманная постановка не только приобщила московского зрителя к тайнам жизни и творчества, возможно, ранее недостаточно знакомых поэтов – грузина и русского, но в то же время немногим, подобным мне, позволила погрузиться в очень личные воспоминания.

Ведь живя в Тбилиси в двух шагах от дома Галактиона, девочкой я часто видела красавца в элегантной шляпе, своим бархатным баритоном приветствовавшего мою молодую маму и меня – робеющую школьницу. Я уже слышала по радио его стихи, а значительно позже узнала, что в 1919 году Максим Горький называл Галактиона легендарным, а в 1921 на турнире поэтов Галактион получил титул «Короля поэтов». Много лет спустя, в поисках материала для своей диссертации, я получила в архиве Тбилисского литературного музея заветную папку, где, кроме бесценных рукописей Галактиона, увидела письма к нему его жены Ольги

Окуджава (сестры Шалвы Окуджава, тети Булата Окуджава), умной, красивой и талантливой женщины, попавшей, как миллионы ее сограждан, под кровавое колесо сталинских репрессий. Другой великий грузинский поэт Тициан Табидзе, двоюродный брат Галактиона, в те же годы, что и Ольга, ставший неискупимой жертвой режима, когда-то называл глаза Ольги «гениальными». В дальнейшем Галактион будет неоднократно обращаться к этому образу, в том числе и в потрясающем душу стихотворении «Из дома вышла и не вернулась».

Низкий поклон создателям спектакля за чуткое внимание к каждой вехе творческого и жизненного пути теперь уже связанных навеки Галактиона и Леоновича, который естественно не мог застать Галактиона в живых в те годы, когда стал частым гостем в Тбилиси, но буквально «заболел» поэзией грузинского собрата. Володя и сам вел жизнь затворника. Вместе с Яном Гольцманом, также одареннейшим поэтом и переводчиком грузинского фольклора (а иногда и без него) он мог долгие месяцы жить в Карелии, плотничая, складывая русские печи местным жителям, наслаждаясь одиночеством, красотой дикого северного края, упиваясь тишиной. Однажды Володя и Ян сообщили мне в письме (на бересте!), что построили вдвоем деревянную часовню. Такую жизнь отшельника Володя предпочитал столичной суете. Он ведь и умер «в глубинке», где и жил последние годы, но, слава Богу, с женой и маленькой дочкой Марусей.

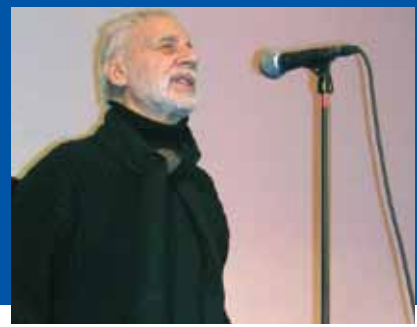
Невольно вспоминается, что Галактиона, всегда державшегося особняком, в молодости называли рыцарем ордена одиночества. И его литературный жур-

Тимофей Доля и Василий Степанов

Валентин Матвеев-Вентцель

Иван Оганов

нал, который он издавал один, так и назывался «Журнал Галактиона Табидзе». Володя Леонович не только много переводил Галактиона Табидзе с помощью Гии Маргвелашвили, опираясь на сделанные им исчерпывающие подстрочники, в свое время изданные отдельной книгой, но и много писал о поэте, как в стихах, так и в прозе. Замечательно, что в спектакле прозвучало и то и другое. Мы услышали и переводческое кредо – «подвиг подвигом переводим», и пронизанные болью – «Галактиона тень летит вверх по фасаду», и исповедальное «Семь лет перевожу твой крик «Тависуплеба» (по-грузински «свобода»). Володя Леонович был ранен в самое сердце версией самоубийства Галактиона Табидзе. В марте 1959 года в разгар травли Бориса Пастернака в клинику, где лежал Галактион, явилась группа писателей с требованием подписать письмо осуждения русского поэта. Ответ известен – Галактион выбросился из окна 5-го этажа и разбился насмерть...

В архиве семьи Чиладзе хранится фотография, на которой 27-летний Отар помогает вытащить гроб из открытого кузова грузовика, подставляя свое плечо. Это трагический и в то же время символический момент – молодой грузинский гений берет на свои плечи бремя поэзии. Отар Чиладзе, как и Галактион, был избранником для переводческой деятельности Володи Леоновича, он переводил его блестяще и с любовью. Правда, замечательную поэму Отара о Галактионе «Железное ложе» мы знаем в другом исполнении, но зато Володя перевел «Три глиняных таблички» (отклик на древнейший эпос о Гильгамеше).

Галактион, словно магнит, притягивал к себе лучших по-

этов России. Среди них есть такие как Варлам Шаламов, не часто обращавшийся к грузинской литературе, тоже человек, перенесший тяготы режима. Это был один из любимых писателей и друзей Володи Леоновича, скорее всего сыгравшего определенную роль в его обращении к грузинской теме. В нашем доме, где Володя читал всегда свои стихи и переводы, он также говорил, что Борис Чичибабин, пораженный мощью Галактиона, готовился попробовать свои силы. К сожалению, результаты мне неизвестны, но я не удивлюсь, если в архиве мученика и страдальца Чичибабина обнаружатся переводы Галактиона. Я пишу эти строки и сама ужасаюсь, какая трагическая цепочка выстраивается из этих прекрасных, осиянных светом таланта и муки, имен. Вот один из лучших поэтов-переводчиков Александр Цыбулевский, безвременно ушедший из жизни, отсидевший свой немалый срок вместе с другими студентами Тбилисского университета, переводит Галактиона. Цитирую заключительную строку одного из последних стихотворений Галактиона:

Уходишь... В добрый путь. И володей, и царствуй.

Завидней нет судьбы. И с нею заодно

Приветствует тебя влюбленное пространство,

Пристанищем тебе бессмертие дано.

И еще одно заветное имя – Владимир Полетаев. В 1968 году по рекомендации Георгия Маргвелашвили поступил на переводческое отделение Московского Литературного института имени Горького, слушал лекции, старательно изучал грузинский язык под руководством опытного педагога Карло Хучуа, очень скоро стал переводить, да так, что поражал мэтров и классиков. Как все настоящие поэты, Володя страдал от болезненных конфликтов с действительностью – от личных проблем до национальных и политических. В последнюю нашу с ним встречу мы сидели в аудитории и трудились над «Одой Никорцминде». Работали до 6-ти вечера. Володя ушел, но через несколько минут неожиданно вернулся и сказал мне несколько раздраженно: «Анаида Николаевна, Вы мне много рассказали о Галактионе, но не объяснили, как и почему он погиб». Я ответила достаточно мягко и осторожно, зная его ранимую натуру. Вернувшись домой, я позвонила его родителям и сказала, что очень встревожена. Григорий Самойлович и Надежда Владимировна пообещали не сводить с сына глаз. Это было во вторник, а в четверг стало известно о том, что Володя выбросился из окна своего дома на Ленинградском проспекте. Все небольшое, но насыщенное наследие Владимира Полетаева было собрано в книжке «Небо начинается с земли» (издательство «Мерани»).

Всю мою жизнь слышу его ломкий, еще не установившийся голос: «А девочка на голубом балконе считает звезды, три, четыре, пять... семнадцать, восемнадцать, девятнадцать, не торопите, дайте досчитать!». Ни дожить, ни досчитать не пришлось... На рабочем столе Володи остался незаконченный перевод «Никорцминды».

Наверное, остроту и глубину моих переживаний усилили не только прекрасная Диана Рубинштейн, но и музыка грузинских композиторов в исполнении пианиста-виртуоза Валентина Матвеева-Вентцель и молодых музыкантов, лауреатов Международных конкурсов. А на заднике сцены, на белом экране мы видели домик, где родился Галактион, его родную деревню, всю Грузию, слышали голос поэта, грузинское пение. И возможно, впервые в столице с большого экрана Володя Леонович читал свои стихи и переводы. Незабываемо!

Олеся Тавадзе

РОБЕРТ ФРОСТ ГЛАЗАМИ ГРУЗИНСКОЙ ХУДОЖНИЦЫ

В Государственном музее народного и прикладного искусства Грузии в конце прошлого года, вплоть до конца марта нынешнего, экспонировалась выставка «Мой Роберт Фрост» известной грузинской художницы Олеси Тавадзе.

Как и на открытии выставки, так и на завершившем ее обсуждении, было много сказано об уникальном характере представленной в музее графической серии, цель которой – поиск визуального адекватности глубинной духовности и драматизма поэзии Роберта Фроста.

Некоторое представление об этой замечательной экспозиции, ставшей перекрестком нескольких культур и об истории возникновения этой графической серии, создаст предисловие автора к каталогу выставки и несколько образцов ее проникновенных работ.

ОЛЕСЯ ТАВАДЗЕ

МОЙ РОБЕРТ ФРОСТ

Роберт Ли Фрост. Что может написать грузинская художница о символе американской поэзии XX века, самом известном, самом обласканном американском поэте Роберте Фросте – ничего нового, лишь только свое, личное, осознанное отношение. Если позволить себе и с первой же фразы возразить Фросту по поводу его утверждения: «Поэзия – это то, что теряется при переводе», я сказала бы, что ни живопись, ни музыка, ни многое другое не переводятся, поскольку и подлинник не воспринимается всеми, всегда, однозначно и одинаково. Мы все, в меру своего родства и готовности соавторствуем и обожествляем по-своему. Поэтому и назвала я это эссе – Мой Роберт Фрост.

Лично мой путь, ведущий к Фросту, – путь длиною в жизнь, а поводырями на этом пути были Иосиф Бродский, Редьярд Киплинг и, как ни неожиданно может звучать – китайская живопись. Американская литература постепенно утверждалась в моей библиотеке – Вашингтон Ирвинг, Фолкнер, Фицджеральд, Хемингуэй, Эмили Дикинсон, Фрост. К поэзии Фроста меня проинтересовала великая русская переводческая школа; Иосиф Бродский своим коленопреклоненным почитанием («На смерть Роберта Фроста», эссе «Скорбь и разум»); а Киплинг, начиная со сказок с детских лет до сегодняшнего молитвенного “Non nobis, Domine”, своим по-мужски скупым на слезу сло-

вом, подготовил к восприятию сдержанной англоязычной литературы.

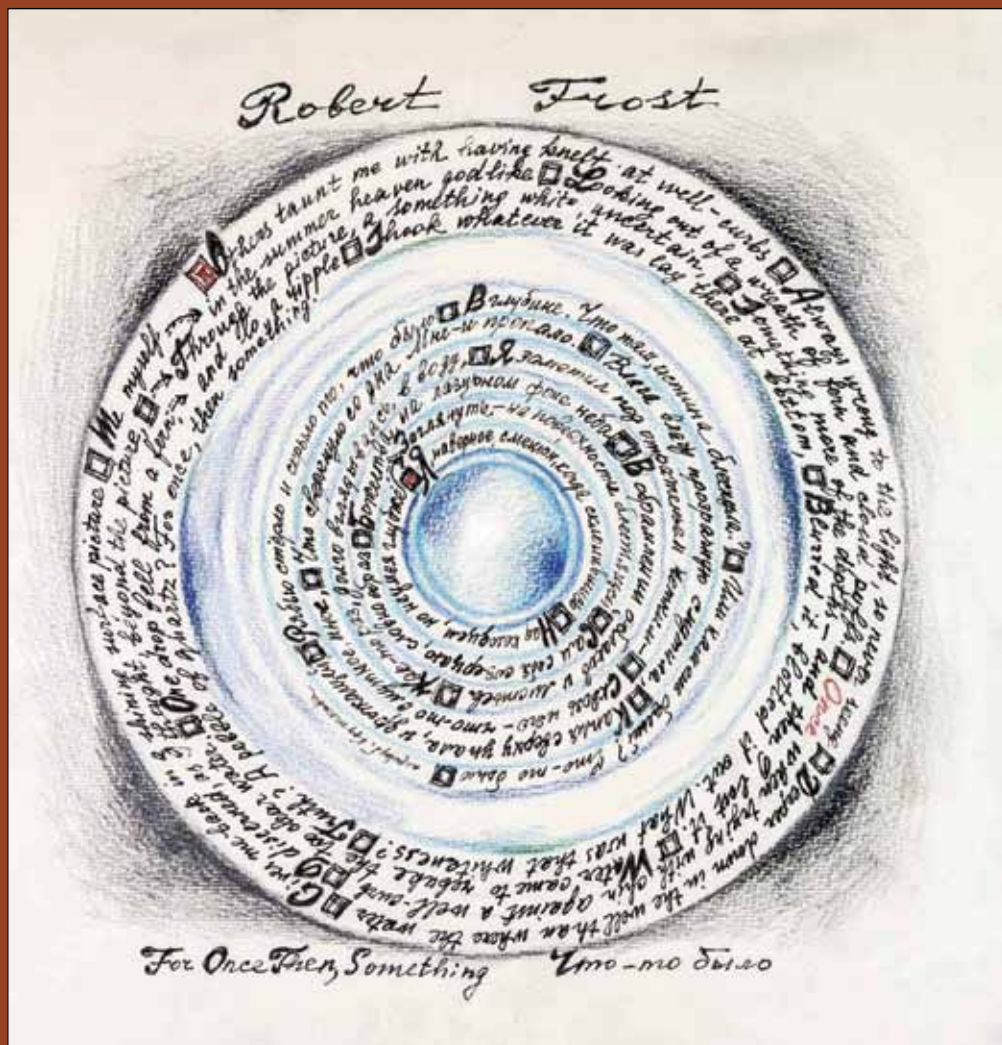
Несмотря на такую, казалось бы, готовность, знакомство с Фростом похоже было на неожиданную влюбленность с первого взгляда. Все кумиры вдруг отступили, и культовое место занял Фрост. Восторг сменился вопросом: какой магической силой обладает такая, на первый взгляд, простая поэзия, которая производит такое ошеломляющее воздействие. И вспомнилось такое же незабываемое впечатление уже из визуального ряда – китайская живопись, Ленинград, Эрми-

таж. Зримому, казалось бы, перевод не нужен, но сколько общего!

Китайский художник никогда не рисовал с натуры. Для него превыше сходства было духовное отражение – Фрост никогда не писал по горячим следам. Впечатления отстаивались иногда годами.

Китайский художник-конфуцианец не признавал одержимости, называемой любовью,

неуправляемой разумом – в лирике Фроста едва ли найдется два-три стиха о любви.

Те же конфуцианцы не признавали насильственных новаций в искусстве – Фрост со стоическим спокойствием игнорировал все «измы».

Последователь даосизма, китайский художник в малом воплощал пространство – слово Фроста вмещает неисчерпаемые пласты.

Аккумуляция, недосказанность аккумулятивных чувств, отсутствие квазивозвышенности экстаза в необъятных высотах великой простоты – придают и слову, и цвету вневременное, надмирное качество.

Что касается непосредственно иллюстраций, побуждений и приемов: всю жизнь (не отличаясь хорошей памятью) я переписывала полюбившиеся стихи в заветную тетрадь, и каждый раз при переписывании возникало ощущение созидательного процесса сиюминутного абсолютного авторства. Эта иллюзия так упоительна, что я сознательно сделала переписывание основным приемом иллюстрирования, и продлила эту радость на трех языках, на трех шрифтах – английском, родном языке Роберта Фроста и на двух языках, равно родных для меня – грузинском и русском. О преднамеренных аллюзиях китайского искусства не буду повторяться.

По сути, это все, что хотелось сказать, что приблизило меня к поэзии Фроста, что приоткрыло завесу в мир высокой духовности, где соседствуют культуры всех времен и всех народов и где единение Роберта Фроста и китайской живописи – обычная вещь.

Татьяна Никольская

«МНЕ НЕ СКУЧНО ЖИТЬ!»

■ Инна БЕЗИРГАНОВА

Петербургский литературовед Татьяна Львовна Никольская, специалист по русской поэзии и прозе 1910-1930 гг. и по русско-грузинским литературным связям, считает себя счастливым человеком. «Мне не скучно жить!» – говорит она. То, с какой любовью, воодушевлением, вдохновением Татьяна Львовна рассказывает о своих научных изысканиях и литературных опытах, подтверждает: жить ей действительно не скучно.

Т.Никольская окончила филологический факультет Ленинградского государственного университета по специальности «русский язык и литература». В университете занималась у литературоведа, поэта, доктора филологических наук Дмитрия Евгеньевича Максимова.

– Дмитрий Евгеньевич Максимов вел блоковский семинар, на котором мы занимались не только творчеством поэта, но и его временем, – рассказывает Татьяна Никольская. – Первоначально мои интересы касались русского символизма. У Дмитрия Евгеньевича Максимова я писала работу о поэте Сергее Соловьеве, троюродном брате Александра Блока. Соловьев отстаивал идеи экуменизма, соединения православной и католической церковью, написал любопытную работу «Гете и христианство», был разносторонне одаренным

человеком. А параллельно я заинтересовалась 1920-и годами. Первая моя публикация, вышедшая еще в 60-е годы прошлого века, была посвящена творчеству поэта и прозаика Константина Вагинова. Сегодня он уже много раз издавался и переиздавался. А тогда был малоизвестен и считался продолжателем петербургского текста – текста Федора Достоевского, Андрея Белого. Но мне предложили, поскольку меня занимают античные мотивы, писать о Валерии Брюсове. Биография у него в высшей степени «положительная», он никуда не уехал из страны и вдобавок вступил под конец жизни в коммунистическую партию. Так что я написала диплом о его цикле «Любимцы веков» из сборника «Tertia vigilia».

– Татьяна Львовна, когда в кругу ваших научных интересов оказалась литературная жизнь Грузии?

– После университета я заинтересовалась русской эмиграцией в Грузии. Прочитала книжку «Бросок на юг» – известные воспоминания Константина Паустовского, в которых нашли отражение несколько месяцев жизни писателя на Кавказе в начале двадцатых годов прошлого века. Писатель в свою бытность в Тифлисе останавливался в доме Зданевичей, описал жизнь обитателей города. Отдельные странички были у Ильи Эренбурга. Существовали еще какие-то воспоминания, но их было немного. И я решила подробнее изучить эту тему. Слава Богу в Публич-

ной библиотеке я нашла какие-то русские журналы, выходившие в 20-е годы в Тифлисе. Например, журнал «Arg» под редакцией

С.Городецкого и А.Антоновской, отдельные номера журналов «Феникс» и «Куранты», выходивших под редакцией Бориса Корнеева и Юрия Дегена, – естественно, неполные комплекты. Мне захотелось узнать об этом периоде подробнее, и когда появилась такая возможность, я приехала в Тбилиси. В первый свой приезд я познакомилась с писателем, литератором Акакием Гачерелиа, который очень любил Андрея Белого, мы много беседовали. Акакий Константинович познакомил меня со Звиадом Гамсахурдиа. Кроме того, я повстречала людей, которые в тот период жили в Тбилиси. Среди

Марра и, соответственно, невесткой кавказоведа, филолога, историка, этнографа и археолога Николая Яковлевича Марра, Софьей Михайловной Марр, которая вместе с Татьяной Вечоркой и Ниной Васильевой входила в литературный кружок – дружество «Альфа – Лира», существовавшее в 1918 году. Какой-то материал я получила от них.

Первая моя статья была посвящена «Фантастическому кабачку». Я отдала ее в «Литературную Грузию». Но меня предупредили, что нужно подождать публикации, что даже статьи Евгения Евтушенко долго лежат в редакции этого журнала, ожидая выхода в свет.

Я поняла одно: для того, чтобы собрать достаточные материалы по интересующей меня теме, нужно приехать в Тбилиси на более длительное время. В общей сложности я провела в этом городе около восьми месяцев. Первые четыре я жила в доме Мераба Костава, где обитал и его брат Омар со своей русской женой Таней. Там я стала понемногу заниматься грузинским языком, и моей первой учительницей была профессор ТГУ им. И.Джавахишвили Цира Чикваидзе, аспирантка академика Акакия Шанидзе – она работала на кафедре древнегрузинского языка. Я ежедневно ходила в библиотеку и смотрела газеты того времени сначала на русском, а потом и на грузинском языке. Мне было интересно, что писали в тот период не только в русской, но и в грузинской прессе. Русская культурная жизнь была довольно насыщенной. Центром, где читали свои лекции футуристы, стала студия поэтов «Фантастический кабачок», объединявшая несколько поэтических групп, туда же приходили поэты-голубороговцы. У Нины Васильевой есть поэма «Фантастический кабачок», где автор описывает, кто там выступал.

Отдельные заметки о литературной жизни Тифлиса были. Например, у Ростислава Прилипко, с которым я тоже встретилась, была диссертация, посвященная творчеству поэта-модерниста Владимира Эльснера, а в ней – обзорная вступительная глава о том, какие журналы в тот пери-

од выходили. Познакомилась с литературоведом Гарегином Бебутовым, – у него были работы о поэте Колау Чернявском – члене литературной группы «41 градус», о поэте Борисе Корнееве. Тот же Г.Бебутов убеждал, что никто меня не напечатает. Но статью о «Фантастическом кабачке» все-таки опубликовали, правда, через шесть лет. Это произошло в 1980 году.

В процессе работы над этой темой я посетила и Книжную палату Грузии. А один из номеров газеты «Грядущий день» нашла только в Институте истории партии при ЦК КП Грузии. Попасть туда было не просто. Но я пришла к директору института Дэви Стуруа, объяснила что мне нужно посмотреть одну газету. Вспомнила, что у нас в Москве есть общий знакомый – поэт Евгений Рейн. Он рассказывал мне, что познакомился со Стуруа на дне рождения Евгения Евтушенко, и Дэви Георгиевичу понравилась жена Рейна Наташа. И я рассказала Стуруа, что о нем очень хорошо вспоминали Женя Рейн и Наташа. Он искренне обрадовался: «А, Наташа! Замечательная женщина!» Короче говоря, Стуруа позвонил в библиотеку, но перед этим уточнил: «А она не очень антисоветская?» – «Нет, ничего антисоветского в ней нет!» И Дэви Георгиевич мне позволил заниматься.

В середине 80-х годов эта книжка – «Фантастический город. Русская культурная жизнь в Тбилиси: 1917-1921» – была написана. Я отнесла ее в издательство «Заря Востока». Однако издатели опять-таки боялись публиковать книгу, повествующую о том, что интересная, бурная культурная жизнь была во время правления Ноэ Жордания, то есть в период существования меньшевистской Грузии. Желание издать мою работу было, но мне говорили, что должны послать книгу в Москву на рецензию. В итоге она попала к литературоведу Владимиру Енишерлову. Я ему позвонила, и он мне сказал: «Книга мне ваша нравится!» – «Так напишите рецензию!» – «Да-да, конечно, только у меня сейчас нет времени!» В итоге Енишерлов не только ничего не написал, но

Татьяна Николаевна
«Фантастический город»

Русская
культурная жизнь
в Тбилиси
(1917–1921)

них – жена медиевиста, археолога, искусствоведа Дмитрия Петровича Гордеева Нина Николаевна Васильева. В литературной студии поэтов «Фантастический кабачок», где собирались футуристы самой авангардной из существовавших футуристических группировок «41 градус», она была секретарем. В Тбилиси я познакомилась с женой поэта, востоковеда Юрия Николаевича

Звиад Гамсахурдиа и Мераб Костава

даже не вернул мне экземпляр, посланный ему на рецензию. В конце концов, в 2000 году книгу выпустило московское издательство «Пятая страна».

– То есть через пятнадцать лет после того, как она была написана.

– Именно. Издали книгу, надо сказать, замечательно. В ней много иллюстраций, которые значительно оживили книгу. Какие-то снимки были у меня, но в основном материалы из своей коллекции предоставили московский собиратель А.Баблюян, а также известный специалист по Велимиру Хлебникову и его кругу Александр Парнис, в книге есть и алфавитный указатель.

После того, как книжка «Фантастический город» вышла в свет, я заинтересовалась новой темой – футуризм в Грузии в 20-е годы прошлого столетия. Именно грузинским футуризмом. Сначала я занималась футуристической группой «41 градус». Теперь она хорошо здесь известна. Так, в Литературном музее Грузии есть даже выставочный зал под названием «41 градус». Моя вторая книга «Авангард и его окрестности», в отличие от первой, вышла сама собой – это сборник статей, где у меня в основном освящается деятельность группы «41 градус» и ее продолжения – «Грузия – Феникс» – манифест грузинских футуристов и журнала грузинских футуристов «H2SO4».

Потом я стала заниматься

более подробно формализмом в Грузии. В августе 2014 года в Москве состоялся конгресс по формализму, где я выступила с докладом о формализме. Один из его вариантов «Особенности восприятия формализма в Грузии» я прочитала в Тбилиси, в Институте грузинской литературы.

На грузинских формалистов оказали влияние «формальный метод» Б.Эйхенбаума, теория сюжета В.Шкловского, исследование Ю.Тынянова по стиховой технике, статьи О.Брика по звуковым повторам. Они были известны грузинским литераторам. Отчасти оттого, что те же Шкловский, Тынянов часто бывали в Грузию.

На грузинских футуристов оказали влияние русские футуристы-заумники из группы «41 градус» – Алексей Крученых, Игорь Терентьев, Илья Зданевич, излагавшие свои взгляды в теоретических работах – особенно Игорь Терентьев... Одна из самых известных работ И.Терентьева, вышедшая репринтным способом в издательстве Европейского университета в Санкт-Петербурге, – «Семнадцать ерундовых орудий» основана, по сути дела, на том, что заумный язык всегда существовал. Он переходит в обычный язык, но и элементы обычного языка могут стать заумью. Например, в загадках, заклинаниях, заговорах, детских стишках.

Грузинский футурист Леван Асатиани написал работу о

скрытом существовании зауми в языке, основываясь на работе В.Шкловского, он приводит грузинские примеры. Начиная с «Записок проезжего» Ильи Чавчавадзе и кончая разными мегрельскими заговорами от зубной боли или укуса змеи. Он сопоставляет примеры из русского фольклора, которые приводит Шкловский в своих работах, с примерами из грузинского фольклора, доказывая, что не только в русском, но и в грузинском языке заумь существовала в скрытом состоянии. А футуристы это используют в своих произведениях как художественный прием.

Акакий Гацерелия написал монографию о грузинском стихе. Он был знаком с Ю.Тыняновым, написал о нем воспоминания, опубликованные в «Литературной Грузии», в сборнике «Тынянов в воспоминаниях современников». В своей работе Гацерелия отметил, что является учеником Тынянова и формалистов. В Питере я обратилась к его монографии 50-х годов «Грузинский стих», где в каждой главе имеются ссылки именно на работы ученых русской формальной школы – в частности, на Брика, Шкловского. И Гацерелия эту методику формальной школы перенес на изучение метрики и ритмики грузинского стиха...

И, конечно, интересная фигура – Бесо Жгенти. Про него писали, что он всю жизнь стремился совмещать формализм и марксизм. А я в своем полемическом докладе доказываю, что начиная с 30-х годов так оно и было в действительности, но в середине 20-х годов он был значительно ближе к формализму. Я пришла к такому выводу, основываясь на его статье «О самой поэтике» в журнале «Литература да схва». В ней Бесо Жгенти пишет о теории сюжета Виктора Шкловского и ссылается на его конкретные работы. В те годы Александр Дудучава обвинял Жгенти в том, что он подходит к литературе не с марксистских позиций. А Жгенти отвечал, что не существует марксистской поэтики, филологии, этнографии, потому что это узкие специальные дисциплины, у которых есть своя методика, а марксистской методики в изучении стихотвор-

ного размера просто нет.

Его обвиняли в недооценке марксистского метода, и я пытаюсь доказать, что, по крайней мере, в середине 20-х он был больше формалистом, стоял на формалистских позициях, а вот позднее, в 30-е годы, произошел разгон формалистов, и, естественно, Жгенти стал балансировать между формализмом и марксизмом, потому что иначе было невозможно печататься.

Между грузинскими и русскими формалистами было и существенное различие. Русские формалисты – Тынянов, Эйхенбаум, Брик, Якубинский – больше занимались теорией. Жгенти в статье «О самой поэтике» критикует их за то, что у них нет сильной полемики с другими школами. Он призывал учиться теории исследования поэтического текста у русских формалистов, а искусству критики, полемическому задору – у французских литераторов, критиков, например, у Жана Кокто.

– В 2014 году вышла в свет ваша последняя по времени книга «Спасибо, что вы были». Расскажите об этом, пожалуйста.

– Ее презентация в одном из старейших ленинградских журналов «Звезда» совпала с днем моего рождения. В новой книге нет никакой теории – это сборник воспоминаний об интересных людях, с которыми мне довелось встретиться. Начиная с моих старших друзей – таких, как преподаватель Дмитрий Евгеньевич Максимов. Когда я занималась Вагиновым, входившим в студию Николая Гумилева при Доме искусств и в кружок «Звучащая раковина», была еще жива Ида Моисеевна Напельбаум, ученица Гумилева, дружившая с Вагиновым. Я общалась с ней – Ида Моисеевна мне многое рассказала.

Благодаря тому, что я стала заниматься Вагиновым, я познакомилась с очень образованными людьми, которые несли в себе культуру начала XX века. Они родились до революции и успели застать Гумилева, университетских преподавателей, многие из которых потом погибли или сидели в лагерях. Запомнились встречи с Иваном Алексеевичем Лихачевым – блестяще образованным человеком, воспитанным в традициях Серебряного века, меломаном, одним из самых известных отечественных филологов, знатоком английской и американской литературы, образцовым переводчиком. Иван Лихачев без малого двадцать лет провел в тюрьмах, лагерях и ссылках – два срока. Несмотря на тяжелые испытания, Лихачев не утратил чувства юмора и любви к людям. Лихачев некогда был дружен с поэтами Михаилом Кузминым и Константином Вагиновым, собирал пластинки, устраивал у себя салон по субботам и в то же время дружил с инвалидами, когда еще никакого общества инвалидов у нас не было. Дело в том, что у его приемного сына Геннадия не было ноги, и он от этого страдал всякими комплексами, вот Иван Алексеевич и старался знакомить его с такими же, как он. Для этого он сначала сам знакомился с ними – приходил в протезный институт с кулком апельсина, дарил их людям и бесплатно занимался английским с теми, кто этого хотел. Потом они собирались у Лихачева, обменивались адресами, выпивали, конечно, помогали друг другу и чувство-

вали себя полноправными членами общества. Он даже водил инвалидов на оперу «Повесть о настоящем человеке». Иван Алексеевич умер в 1972 году, но мы два раза в год в память о нем по традиции обязательно собираемся. О таких людях я и пишу. Пишу, конечно, и о грузинских друзьях, которые помогли мне. О Мерабе Костава, например. Мераб Костава и Звиад Гамсахурдиа – это были интересные, высокообразованные люди, хорошо знавшие русскую литературу. Меня удивило, что Звиад знал наизусть стихи Владимира Соловьева, его панмонголизм. Будучи у меня в гостях в Ленинграде, он встретился с переводчиком Геннадием Шмаковым, позднее уехавшим за границу. Шмаков занимался балетом, написал книги о Михаиле Барышникове и Наталье Макаровой. Звиад и Геннадий беседовали у меня в доме. Шмаков сказал Звиаду: «Вы похожи на огрузиненного Фолкнера!». А Звиад подумал и сказал мне, когда Шмаков вышел: «Ты ему скажи, что он похож на Гаршина!» Вот на таком уровне Гамсахурдиа знал русскую литературу.

Костава был поэтом, писателем, музыкантом, прекрасно знал музыку, очень много рассказывал о старинном грузинском многоголосии, писал на эту тему статьи. Эти люди, Мераб и Звиад, реально помогали мне доставать книжки и проникать в те хранилища, которые мне были нужны для исследовательской работы. Еще я занималась Григолом Робакидзе, и Звиад подарил мне номер журнала «Беди Картлиса», посвященный этому писателю. А Мераб мне помогал переводить статьи оттуда.

Я написала в книге и про свою подругу Дали Цаава, которая двадцать лет жила в Ленинграде и писала стихи на грузинском языке. К сожалению, в России у нее не было читателей. Ее переводили на русский язык Наталья Соколовская, Елена Рабинович. Я ей помогала делать подстрочники. Это было трудно: у Дали очень насыщенный стиховой ряд, много литературных ассоциаций из грузинской мифологии. Она писала про Медею, и прежде чем написать, читала грузинские старинные учебники по травам – поскольку Медея травница была. Дали всегда глубоко входила в тему до того, как напи-

Юрий Марр

сать поэму.

В Ленинграде она подружилась с Иосифом Бродским. В конце 80-х Дали Цаава вернулась в Тбилиси и до конца жизни преподавала русский язык и литературу в школе у Нины Рамишвили. Она опубликовала воспоминания о Бродском в журнале «Омега» и хотела, чтобы я перевела эти воспоминания. И я сделала это. Из воспоминаний Дали Цаава мы узнаем, как Бродский пытался переводить Галактиона Табидзе, но у него не получилось. Я написала доклад на тему «Бродский и Грузия», но этого факта не знала. Так что это новое в бродсковедении. Дали ввела в научный оборот еще один факт: стихотворение «Ну, как тебе в грузинских палестинах» посвящено ей.

– Татьяна Львовна, что сейчас в фокусе вашего научного внимания?

– Сейчас занимаюсь Софьей Михайловной Марр. Она всю жизнь посвятила наследию своего мужа, поэта и ученого-востоковеда Юрия Марра, умершего молодым – в 36 лет. Он много сделал, но не довел до конца. Например, материалы к персидско-русскому толковому словарю. Он дважды ездил в Персию, и Софья Михайловна однажды целый год провела с ним. И вот она собирала материалы Юрия Марра и с помощью востоковеда-ираниста Александра Гвахариа и ученика Нико Марра, востоковеда Иосифа Мегрелидзе печатала труды своего мужа, которые не были опубликованы. В частности, его переписку с востоковедом с Константином Ивановичем Чайкиным по вопросам иранистики и грузиноведения – занимались Руставели, Хаками, Низами. Всю свою жизнь Софья Михайловна Марр посвятила приведению в порядок наследия мужа. Несколько томов в Институте востоковедения были изданы с ее участием. Увидели свет несколько томов переписки. И, кроме того, стихи Юрия Марра, которые он начал писать еще в детстве. При жизни Юрия Марра не вышло ни одного сборника, не было ни одной поэтической публикации. А он дружил в 1919-1920 гг. с группой «41 градус» и под ее влиянием стал пи-

сать футуристические стихи (потом он отмечал этот момент в своей автобиографии). А до этого сочинял подражательные стихи в духе русских символистов. Он первым в некоторых своих стихах объединил буквы русского и персидского алфавитов. И получались такие буквосплеты. Их можно читать слева направо, а те, что по-персидски, – справа налево. И это тоже значимо. Директору Эрмитажа Михаилу Борисовичу Пиотровскому, арабисту по специальности, я показала одно стихотворение Юрия Марра, написанное наполовину по-русски и наполовину по-персидски. Он сказал, что принципиальное соединение двух разных систем алфавитов – систем арабского и персидского языков с русским, – это абсолютное новшество. Следует еще отметить и мастерство каллиграфии – то, что ввел Юрий Марр.

Первый мой доклад «Юрий Марр – заумный поэт» был напечатан в сборнике «Georgica», который Луиджи Магаротто издал в Италии. Единственное, что было напечатано из литературного наследия Ю. Марра – это перевод с персидского стихотворения «Сказка попугая». Публикация появилась в журнале «Орион», который издавали Сергей Рафалович и Сергей Городецкий.

Юрий Марр был фантазером, с чувством юмора, персидский размер он пытается передать в шуточных русских стихах, которые часто были в письмах к друзьям-иранистам. Очень интересная теоретическая задача – передать персидскую систему стихосложения в русских стихах так, чтобы сохранилось не только содержание, чтобы читатель получил представление и о ритме стиха. Марр делал очень интересные эксперименты, но его стихи в письмах предназначены только для специалистов по персидской литературе.

В начале 90-х годов в московском издательстве маленьким тиражом вышел небольшой двухтомник поэзии Юрия Марра. Его стихи из архивов Гвахариа и Мегрелидзе были изданы и в Германии в количестве 50 экземпляров. Кстати, Марр перевел поэму французского поэта Жамма Франсиса «Молитва о том, чтобы идти в рай с ослами» – ее же переводил Илья Эренбург. Но у Юрия Марра перевод ничуть не хуже, а может, даже лучше, чем у Эренбурга. В Москве я сейчас тоже готовлю сборник Марра. Но лучше не спешить, хочется сделать что-то фундаментальное.

– Ваши литературные пристрастия широки и многообразны. Я с удовольствием прочитала два ваших миниатюрных рассказа «Кукуслик» и «Татьянин день». Что-то близкое к жанру черного юмора, абсурда.

– Я не отношусь к своим литературным опытам серьезно. У меня в этой книжке есть послесловие под названием «Из какого сора». Эти рассказы писались между прочим, под настроение. Когда-то что-то хотелось, я писала. Но я отношусь к своим рассказам дистанцированно, не как к факту художественной литературы, а как к милому домашнему развлечению. Я писала рассказ «Татьянин день» много лет назад, в 70-е годы. Это просто литературная игра. В этих рассказах отражается контекст той эпохи. Сейчас каждый пишущий человек может себя любимого напечатать. Все-таки в со-

ветское время, если человек не был членом Союза писателей, это было довольно сложно... С Константином Марковичем Азадовским, специалистом по немецкой литературе, мы вместе сделали работу: «Письма Григола Робакидзе к Стефану Цвейгу». Азадовский нашел в архиве Цвейга письма Робакидзе, адресованные австрийскому писателю. Я подготовила вступительную статью, а комментарии сделали совместно. Письма были напечатаны в журнале «Звезда» – номере, посвященном немецкой литературе. В 70-е годы Азадовский переводил классика немецкой литературы XX века Рильке, которого тогда трудно было издать, и поэтому Константин Маркович приглашал к себе домой друзей и читал им свои переводы. Я тоже собирала гостей, делала салаты, и мои гости с удовольствием ели их и одновременно слушали мои рассказы. Это было для меня какой-то отдушиной. И так поступали многие. Это была форма нашей жизни. К примеру,

На встрече с Татьяной Никольской

Евгений Рейн приезжал к нам из Москвы, собирал гостей у своих питерских друзей и читал им свои стихи. Существовала культура домашних салонов. Переводческая культура была в тот период такой высокой, потому что свои оригинальные произведения авторы не имели возможности опубликовать. Не было бы счастья, да несчастье помогло. А сейчас всюду можно найти свою нишу...

– На ваш взгляд, какова ситуация в сегодняшнем литературоведении? Что происходит нового, интересного?

– На этот вопрос я не могу ответить: не компетентна. Я могу рассказать разве что о том, чем занимаемся я и мои друзья. Начиная с 70-х гг. один раз в два года Мариэтта Чудакова проводит Тыняновские чтения. Там собираются как старые, так и более молодые друзья, единомышленники. Сложился круг филологов. Кто-то живет в Америке, кто-то – в Израиле, кто-то – в Москве. И они с радостью приезжают на конференции. Одни занимаются XIX веком, другие – XX. Мы слушаем друг друга. К примеру, Роман Тименчик выпустил несколько толстых томов – «Анна Ахматова в 60-е годы». Сейчас все какое-то дробное – много групп, различных компаний. Кто-то куда-то перетекает...

Не испытываете ли вы сожаления по поводу того, что всю жизнь посвятили литературоведению. Хотя могли бы серьезно заниматься, к примеру, писательским трудом?

– Нет, не жалею. Из всего того, что я знаю, эта сфера деятельности мне наиболее интересна. Апробированную методику я применяю к какому-то новому материалу. Заумный язык в русском роке, например. Или особенности восприятия Хармса и Введенского в русском роке. Я беру какой-то новый материал и исследую, как наследие прошлого преломляется в нем. В связи с этим я знакоюсь с рок-музыкантами. Слушаю диски, беру интервью... В Центре Андрея Белого я читала лекцию о заумном языке в русском роке. Там собралось много совсем молодых людей – им было лет по 25. Был полный зал, стульев не хватило. И мне интересно, и молодым интересно.

– А кто вам интересен в современной художественной литературе?

– Люблю романы Дмитрия Быкова на сюжеты из литературной жизни 20-х годов, основанная на историческом материале художественная литература. Несколько лет назад вышел его толстый роман «Остромов, или Ученик чародея». Там действуют Максимилиан Волошин, Михаил Кузмин, Константин Вагинов. Это фантазия на литературные темы 20-х годов. В основу романа «Остромов, или Ученик чародея» легло полузабытое ныне «Дело ленинградских масонов» 1925-1926 гг. В нем много явных и скрытых цитат из тех же Вагинова, Кузмина, Волошина. Короче говоря, меня интересуют «роман с ключом», литература о литературе. Благодаря Вагинову я и занимаюсь «романом с ключом».

– Самое интересное для вас «литературное» время?

– Самая глубокая эпоха – это начало XX века, Серебряный век. Но этим периодом сейчас неинтересно заниматься. Потому что на каждый комментарий по этой эпохе существует десяток новых комментариев. Скучно заниматься темой, в которой я не могу сказать ничего нового. В то же время, занимаясь, к примеру, грузинскими футуристами, я могу найти такие детали, которые грузинские исследователи, возможно, упустили, потому что я исследую и русский футуризм. Возникают какие-то переклички, аллюзии. Доклад «Об особенностях восприятия футуризма в Грузии» особенно важно было в Грузии прочесть. А вот в Москве мне было любопытно слушать доклады о формализме в Польше или в Югославии. Кого ценили больше, что воспринимали. Мне интересно, что люди, занимающиеся этой темой в Тбилиси, могут сказать нового. Может быть, я что-то упустила – я имею в виду фактологические моменты. К примеру, существует одна причина, но может быть и параллельная. Слабые поэты пишут под влиянием, скажем, Блока или Гумилева. Это или стилизация, или ограниченность. Разные влияния иногда пересекаются и творчески перерабатываются.

В этом доме на улице Мачабели Константин Симонов был зимой 1943 года

«Я трогаю старые стены...» Тифлис: удивительные встречи

■ Владимир ГОЛОВИН

«Не будь этого вечера и ночи тогда там, в Тбилиси, наверное, многими годами позже в повести «Двадцать дней без войны» я бы не написал той главы, которую люблю в ней больше всех других». Это – признание Константина Симонова об одном из самых проникновенных произведений о Великой Отечественной войне. Как поэта огромная страна полюбила его еще в предвоенные годы, когда ему не было и двадцати пяти лет. А военное лихолетье сделало его писателем, драматургом и публицистом, отразившим увиденное и пережитое не только им самим, но и миллионами людей, сражавшихся с гитлеровцами. Он знал войну не понаслышке – отправился в гущу сражений уже на третий ее день корреспондентом «Красной звезда»

(самой «литературной» газеты военного времени), прошел по многим фронтам, участвовал в рискованных для жизни операциях на передовой...

В томах прозы, написанных им после Победы, есть цикл «Из записок Лопатина», в который и вошла повесть «Двадцать дней без войны». Многим помнится ее экранизация Александром Германом-старшим с блистательными Юрием Никулиным и Людмилой Гурченко в главных ролях. Но лишь те, кто читали эту повесть, знают, что в ней есть и «тбилисская глава» – та, которую больше всего любил автор. В Грузии Константин Михайлович бывал часто, особенно после войны, когда возглавил Совет по грузинской литературе при Союзе писателей СССР, жил на даче под Сухуми. Но эти стра-

ницы его жизни мы перелистаем позже. А начнем, поскольку в мае – годовщина Великой Победы, со старых тбилисских стен, в которых военный корреспондент Симонов оказался зимой 1943 года. И посмотрим на них глазами и его самого, и героя этой, по сути, автобиографической повести. Предоставляя слово то – одному, то – другому. Назовем их «Писатель» и «Герой повести». И еще будет взгляд тогдашнего председателя Союза писателей Грузии, поэта Ираклия Абашидзе. В повести о Лопатине он выведен как Виссарион, под именем его отца.

Итак, середина января 1943-го. Старший батальонный комиссар (звание, среднее между подполковником и полковником) Константин Симонов добирается из Казахстана до Тбилиси. В глу-

Константин Симонов (справа)
и Роман Кармен. Зима 1943 года

боком тылу он пробыл совсем недолго: «Во второй половине декабря, отписавшись за поездку на Западный фронт, я получил в свое распоряжение десять дней. Пять – чтобы добраться до Алма-Аты, где началась работа над фильмом «Жди меня», пять – на пребывание там, а дальше вступало в силу лежавшее у меня в кармане гимнастерки предписание, с которым я должен был ехать через Ташкент, Красноводск и Тбилиси на Кавказский фронт. Встретив новый 1943 год в Алма-Ате за одним столом с Блиновым и Свердлиным, которым предстояло играть главных героев фильма «Жди меня»... я выехал, согласно предписанию, в сторону Каспийского моря...»

Тут нелишне напомнить нынешним поколениям, что «Жди меня» – самое известное, говоря по-современному, «фирменное» стихотворение Симонова, ставшее основой нескольких песен. Оно посвящено жене, знаменитой актрисе Валентине Серовой, сыгравшей главную роль в одноименном фильме.

Из грузинской столицы путь лежит на Кавказский фронт. Писатель: «Это были обычные предотъездные дни, с получением харчей по продаттестату, с хождением на военный провод за телеграммами из редакции, с добычей горючего на дорогу... Вечером в день приезда в Тбилиси, возвращаясь в гостиницу из похода за горюче-смазочным,

На трофейном самоходном орудии «Фердинанд»

я встретил своего старого друга Ираклия Абашидзе». А ведь встреча могла и не состояться...

«Начиная с 1942 года многих писателей стали посылать на разные участки фронта Великой Отечественной, и, понятно, меня большей частью не бывало дома... Однако зимним вечером в начале 1943 года, когда Симонов приехал в Тбилиси, я как раз оказался здесь, – вспоминает Ираклий Абашидзе. – Когда Закавказью стала угрожать реальная опасность, когда действовавшие там грузинские части отступили к Марухскому перевалу, по приказу командования вместе с поэтом Симоном Чиковани и Алио Мирцхулава мы были отправлены через Дарьял в тыл, на родину. Именно поэтому мы и не разминулись с ним в тот раз».

Грузинский и русский поэты познакомились еще в 1938-м, в ялтинском Доме творчества писателей. Там двадцатидевятилетний Абашидзе поначалу чувствовал себя «несколько стесненно» среди именитых, маститых литераторов, которые были старше него. А вскоре... «Вскоре среди обитателей дома оказался человек моложе меня. Это был Константин Симонов. Я тогда еще не знал стихов этого молодого поэта, хотя он писал уже третью свою поэму, – вспоминал Ираклий Виссарионович. – В тот год Константин Симонов только окончил Литературный институт имени Горького... Мы сблизились и сдружились быстро и легко, как будто съели

вместе не один пуд соли. Знакомство свое скрепили клятвой в вечной дружбе, в ознаменование чего снялись вместе у пляжного фотографа. В то время оба, безмерно увлеченные поэзией Блока, прогуливаясь по набережной, наперебой читали вслух: «И вечный бой. Покой нам только снится...»

И вот – столица Грузии, увиденная Героем повести в январе 1943-го: «Вечер был холодный и ветреный. Затемненный Тбилиси казался непохожим на себя, но Лопатин, уже шесть лет не приезжавший сюда, раньше и бывал, и жил здесь по не-

С Валентиной Серовой на фронте

С Ираклием Абашидзе. 1938

Тридцать лет спустя

делям; несмотря на затемнение, знал, куда надо идти, чтобы добраться до улицы Вардисубани, до того знакомого дома, о котором подумал еще в самолете, когда подлетал к Тбилиси... Лопатин несколько лет не видел Виссариона, только прошлой осенью увидел его стихи, напечатанные в «Известиях», и порадовался, как они хорошо были переведены на русский». Абашидзе дополняет: «Вардисубани» – это поэтическое название улицы. Оно всегда очень нравилось автору повести, особенно когда я объяснил ему, что в переводе это означает «место роз».

Во время той встречи грузинский поэт обращает внимание на то, что Симонов сильно возмужал: «Его своеобразное, серьезное по природе и все же немного детское лицо и застенчивые движения куда-то исчезли. Он показался мне особенно значительным и красивым. Передо мной стоял настоящий русский офицер – с хорошей выправкой, спокойный, уверенный в себе военный, в начищенных до блеска сапогах, с пистолетом на поясе, перекинутым через плечо толстым большим планшетом с карандашами и, помнится, компасом... Офицерская шапка была надета немного набок... Правду говоря, мне он очень понравился в военной фор-

ме... Казалось, в этой форме он чувствовал себя лучше, чем в гражданской одежде...»

Такое внимание к деталям можно понять: «Я рассказал ему, как незавидно выглядели мы, грузинские писатели, когда год назад впервые облачились в военную форму. Я и Симон Чиковани, служившие прежде в армии, выглядели еще ничего, но Георгий Леонидзе казался особенно смешным. Нас направляли в действующую армию время от времени, а Константин Михайлович был постоянным корреспондентом военной газеты и все время находился на фронте. После войны я первое время никак не мог привыкнуть к гражданской одежде на нем».

Ну, а Симонов вспоминает, что при той встрече в военном Тбилиси Абашидзе сразу же начал с... упреков: он знает, что друг уже несколько дней в городе, ищет его, а тот не дает о себе знать! Константин Михайлович недоумевает: он приехал лишь утром, все время занимался делами, освободился от них всего полчаса назад, и позвонить кому-нибудь просто не успел. Тут наступает черед удивляться уже Абашидзе. Ведь в Управлении по охране авторских прав ему сказали, что Симонов еще несколько дней назад получил у них авторские деньги за поставленный в Тбилиси спектакль «Парень из нашего города». А утром того дня, когда они встретились, разнесся слух, что Симонов успел затеять в гостинице ссору и его побили. Поэтому Абашидзе и поспешил в гостиницу – узнать, нужна ли другу помощь, несмотря на то, что тот не пожелал встретиться. Писатель: «Я рассмеялся и еще раз повторил, что приехал утром и в городе Тбилиси никем бит пока что не был. Ираклий облегченно вздохнул: «Значит, кто-то назвался тобой!»

Да, так оно и было. В Тбилиси началась история, продолжающая похождения ильфо-петровских «детей лейтенанта Шмидта» и предшествующая гастролям фальшивых «Ласковых маев» в 1990-х. Писатель: «Какой-то авантюрист, мой однофамилец, не то уголовник, не то дезертир, выучил наизусть все мои напечатанные к тому времени лирические стихи, добыл где-то форму капитан-лейтенанта морской авиации и орден Красного Знамени и в таком виде на протяжении войны в разных местах, в зависимости от обстоятельств, выдавал себя то за меня, то за моего несуществующего брата». Самозванец успел немало: и симоновский гонорар прихватить, и подраться, и по морде получить, и вовремя исчезнуть.

В жизни Константина Михайловича этот аферист, начавший свои похождения с Тбилиси, всплывает еще дважды. После освобождения Нальчика он объявляется там, между чтением стихов успеваает жениться, и осенью 1943-го Симонов получает в Москве «скорбное письмо» от той женщины: почему поэт не забирает ее к себе в Москву, как обещал? А уже через год после войны демобилизованный лейтенант, с которым Симонов встречался на фронте, видит выступление мошенника в Ростовской области. Писатель: «Лейтенант оказался человеком решительным, однофамильца моего сгрэб и доставил куда следует, а мне при-

слал письмо с изложением всех подробностей этого финального «вечера поэзии».

А в зимний тбилисский вечер 1943-го Ираклий Абашидзе, поняв, что его друг «приехал только сегодня утром, зажмурясь от хохота, хлопал себя ладонями по коленям». Но назавтра Симонову уже уезжать – «догонять через Крестовый перевал наступающую армию». И вечер перед отъездом он, вместе с Абашидзе, проводит в доме поэта и драматурга Ило Мосашвили, тоже знакомого еще по довоенному времени. Четвертый литератор за этим столом – Александр Кутатели. Писатель: «Кроме них троих, в тот вечер были только их близкие, точнее, те из близких, кого не оторвала от дома война. А она многих оторвала. Конечно, как водится у грузин, на столе стояло все, что нашлось в доме. Стол был одновременно и бедный и щедрый – из тех благородных столов, когда назавтра у хозяев хоть шаром покати!»

В тот вечер Абашидзе говорит об ужасах войны больше Симонова – увиденное в Крыму и на Северном Кавказе его, как говорится, не отпускает, «а для Константина Михайловича, прошедшего тысячи километров фронтового ада, все это было уже давно знакомо». «И без того скупой на слова, он говорил меньше меня, – вспоминал Ираклий Виссарионович. – Присутствовавшие, разумеется, замечали это, но они не решались прервать меня... хоть я, судя по всему, и потерял чувство меры». Наконец, кто-то просит именно Симонова, чтобы он, «видевший и слышавший гораздо больше», рассказал о военных эпизодах. Но поэт почти резко отвечает: «Простите, но у меня нет никакого желания!».

Признаюсь: сейчас, спустя многие десятилетия, я слышу в этих словах интонации многих фронтовиков, которых просил рассказать подробности о войне, и от которых получал такой же ответ. Тот, кто воистину прошел фронтовой ад, никогда не любил детальные воспоминания о нем... Но это – так, лирическое отступление. Давайте, послушаем, о чем еще говорилось за тем столом. Это просто необходимо сделать сегодня, когда вошли в моду цинично-безнравственные рассуждения о том, что было бы в случае прорыва гитлеровцев через Кавказиони.

На открытии памятника В.Маяковскому в Кутаиси. 1973

Симонов поинтересовался, «в каком положении могла оказаться Грузия, если бы осенью 1942 года фашистская армия смогла взломать ворота Дарьяльского ущелья и ворваться в Закавказье». Герой повести: «Да, слава богу, наступаем, – сказал Виссарион. – Когда немцы осенью оказались на Эльбрусе, я каждый раз с ума сходил, когда думал об этом. Они уже на Кавказском хребте, а сзади у нас не Волга и не Урал, а Турция! Иногда казалось, что стоишь в каком-то коридоре между двух стенок и упираешься в них руками, и если одну руку отпустишь, все на тебя упадет...».

Абашидзе так продолжает эти слова, внесенные Симоновым в повесть: «Опасность вражеского вторжения была реальной угрозой. Это особенно остро чувствовала группа грузинских писателей, своими глазами видевшая бои на Северном Кавказе, у Моздока, Прохладной, в Чегемском ущелье. Помню, как удивился Константин Михайлович, узнав от меня о том, что у нас никаких реальных планов на случай прорыва немецких войск нет. Куда же, на самом деле, могли мы податься? Сзади Турция». Симонов интересуется: «Где же мы в таком случае встретились бы?». И вот – ответ Ираклия Виссарионовича: «Не знаю, скорее всего, в горах Хевсуретии, Сванетии, в лесах Коджори или Кахетии. Сам знаешь из истории, что у грузин большой опыт народной войны. Видимо, именно поэтому распорядилось командование фронта о возвращении группы писателей с Северного Кавказа в тыл, в Грузию»... Комментарии, как говорится, излишни.

Да, непосредственно военных эпизодов Симонов тот вечер не вспоминает. А вот стихи читает. И много: «Читал подряд все, что хотели, и все, что хотелось самому. Помню, что самое сильное впечатление на моих хозяев произвело стихотворение «Хозяйка Дома»: «Поставь же нам стаканы заодно/ Со всеми. Мы еще придем нежданно...». А это – его признание. Щемящее от того, что в нем нет пафосных слов. И делающее честь тбилисцам: «В блокноте осталась только одна строчка – адрес Ило Мосашвили: Мачабели, 7. А в памяти весь этот вечер, перешедший в ночь. Остался, наверно, еще и потому, что не говоря этого вслух, меня в ту ночь провожали на войну. По своей профессии военного корреспондента, то уезжавшего на фронт, то снова приезжавшего и, в общем-то, уже привыкшего жить – из горячего в холодное и обратно, – я как-то не привык к проводам и даже с долей суеверия внутренне боялся их. И вдруг эти проводы. И это желание, чтобы я еще, и еще, и еще читал стихи, как будто, если не прочту сейчас, их потом уже не услышишь».

К счастью, Грузия слышала его стихи еще много лет. Были, были вновь и встречи, и кавказские застолья, пронизанные уже иным – послевоенным, ликующим настроением. Вот стихотворение 1947-го года, посвященное... барашку, пошедшему на шашлык. Не столь каноническое и часто цитируемое, как другие стихи, оно настолько «симоновское», что невозможно не привести хотя бы отрывок из него:

На даче в Гульрипши. 1969

*Мы обложили его тархуном –
 грузинской травой –
 И выжали на него целый лимон.
 Он был так красив, что даже живой
 Таким красивым не мог быть он,*

*Мы пили вино, глядя на горы и дыша
 Запахом уксуса, перца и тархуна,
 И, кажется, после шестого стакана вина
 В нас вселилась его белая прыгающая душа,*

*Нам хотелось скакать по зеленым горам,
 Еще выше, по синим ручьям, по снегам,
 Еще выше, над облаками,
 Проходившими под парусами...*

С начала 1948-го года Симонов поселяется в Абхазии. Впервые он приезжает туда, чтобы отдышаться от многочисленных дел в Москве и поработать в спокойной обстановке. Останавливается в памятной для многих из нас гостинице «Абхазия», но не реже, чем в своем номере, бывает в доме основоположника абхазской литературы Дмитрия Гулиа: «С первых дней знакомства, а потом и душевной близости, этот край был связан для меня с именем и личностью Дмитрия Гулиа. Его дом стал для меня дверью в эту страну. В этом доме, построенном так, что, пожалуй, он был больше удобен для гостей, чем для хозяев, часто бывало шумно, потому что сюда приходило много людей. Врачи считали, что даже слишком много. Хозяин считал, что нет».

Потом от Союза писателей СССР появляется небольшая дача в Гульрипши, где Симонов не только с удовольствием работает, но и отбирает произведения абхазских писателей для «Нового мира», который он редактирует, и для других всесоюзных изданий. Ездит по Абхазии и за традиционными застольями в грязь лицом отнюдь не ударяет. «Жители села Члоу до сих пор вспоминают эту встречу, тогдашний гость в одну ночь одолел одного за другим трех бывалых тамада, не нарушая этикета стола. Действительно, Константин Симонов настолько хорошо усвоил тонкости

нашего застолья, что нам, местным писателям, трудно, а подчас и невозможно было сравниться с ним», – вспоминал народный поэт Абхазии Баграт Шинкуба.

Тут просто необходимо отметить, что Симонов умел пить, как говорят в Грузии. Российский журналист и писатель Андрей Максимов, известный как ведущий телепрограмм «Ночной полет» и «Дежурный по стране» с Михаилом Жванецким, говорит, что его отец, писатель Марк Максимов несколько раз рассказывал ему одну и ту же историю: «О том, как однажды закончились Дни российской литературы в Грузии, закончились, естественно, всеобщими возлияниями, после которых писателей едва ли не погрузили в поезд. А утром папа проснулся от стука пишущей машинки – в соседнем купе уже работал Симонов»...

В 1958-м гульрипшскую дачу отдают другому писателю – Симонов уезжает в Ташкент собкором газеты «Правда» по республикам Средней Азии, как опытный военный корреспондент освещает советско-китайский конфликт на острове Даманский. Но черноморское побережье Грузии до-прежнему живет в его памяти: «Я, видимо, вернусь в Гульрипши. Уж слишком глубоко засело это местечко в моем сердце!». Это желание исполняется в 1960 году, и затем Константин Михайлович приезжает с семьей в Гульрипши каждый год. Теперь он постоянно снимает комнаты у местной жительницы Евдокии Игнатовой, тети Дуси. И, в конце концов, по собственному проекту, пристраивает к ним просторный кабинет с видом на море. Именно там он пишет свою знаменитую трилогию «Живые и мертвые», работает над дневниками «Разные дни войны». Именно туда, в течение пятнадцати лет, приезжают к нему друзья-писатели со всех концов Советского Союза, из-за рубежа, и письменный стол превращается в обеденный... Так продолжается, пока врачи не запрещают Симонову пребывание в субтропическом климате.

С грузинской литературой он связан постоянно – организует в Москве творческие вечера поэтов Карло Каладзе, Иосифа Нонешвили, Давида Чарквиани, читательскую конференцию по роману Баграта Шинкуба... А уж по самой Грузии ездит много и часто – работа в местном Союзе писателей, встречи с читателями, открытия памятников Владимиру Маяковскому и Дмитрию Гулиа и еще масса того, что называют «мероприятиями»... Чтобы понять, насколько его любили в Грузии, достаточно посмотреть, как писатель Нодар Думбадзе на своей машине везет Симонова с женой из Тбилиси в Гульрипши. Они останавливаются перекусить в ресторанчике «Цева» на Рикотском перевале. И директор «заведения», узнав, кто у него в гостях, не только благодарит за написанное, но и наотрез отказывается брать деньги. Напомню: это происходит на 900-метровой высоте, отнюдь не в литературной среде...

И при этом Симонов не бронзовеет в своей славе, в нем и в помине нет подчеркнутой величественности и нарочитой именитости мэтра. Вот,

например, серьезнейшее событие – Дни советской литературы в Грузии. Константин Михайлович, конечно, в президиуме, и, конечно, что-то сосредоточенно записывает. Прочтем, что он написал:

«Товарищу Думбадзе (гульрипшскому) от Симонова (гульрипшского). Моему соседу справа (если ориентир море, а не формальные поиски в искусстве).

ПРОБА ОДЫ

Я живу на прочной базе, все б,
наверно, так хотели.

Правый фланг – гараж Думбадзе.

Левый – Крепость Церетели. Прямо – море.

Сзади – горы. Посередине – тетя Дуся.

Я без пограничных споров.

Где хочу – там и пасуся.

С почтением ваш К.Симонов»

Адресат этого послания признавался: «Я не видел его на смертном одре, и сейчас у меня такое чувство, что Константин Михайлович опять уехал в очередное путешествие, вот-вот вернется, подарит мне или вьетнамский шлем, или филиппинскую зажигалку, или английскую трубку с ароматным табаком и расскажет по-своему мудро, задумчиво и удивительно интересно о том, что кроме него, ни в какой стране и никогда другой не мог заметить и запомнить. Он многому научил меня, а главное – критическому отношению к собственному творчеству, смелости в творчестве и дисциплине в труде».

Это приучение к труду шло вовсе не в аудитории и совсем не в лекционной форме. Почти каждое утро он спрашивает у Думбадзе, сколько страниц тот написал вчера. «Десять», – отвечает Нодар Владимирович. – «Мало! Хотя, если интересно написано, даже много!». На другой день Думбадзе говорит, что написал уже двадцать страниц. «Врал, конечно, – признавался он потом, – мне стыдно было за свою лень, но Константина Михайловича трудно было провезти. Это был человек с огромным чувством юмора. Он просил меня прочесть то, что я написал. «Дорогой Константин Михайлович, ведь я пишу по-грузински, – хитрил я. «Ничего, если это написано вчера, я пойму и на грузинском языке, – улыбался он».

Вот Симонов пишет в Гульрипши еще одно произведение о войне – «Записки молодого человека». И дает читать рукопись Думбадзе, со временем признавшись, что «пробовал на нем», заинтересует ли книга молодого читателя. «Это все чрезвычайно интересно, Константин Михайлович, но какой же я молодой? – удивляется Думбадзе, уже разменявший пятый десяток. И в ответ слышит: «Ты преждевременно в старики не записывайся, это очень вредно для писателя».

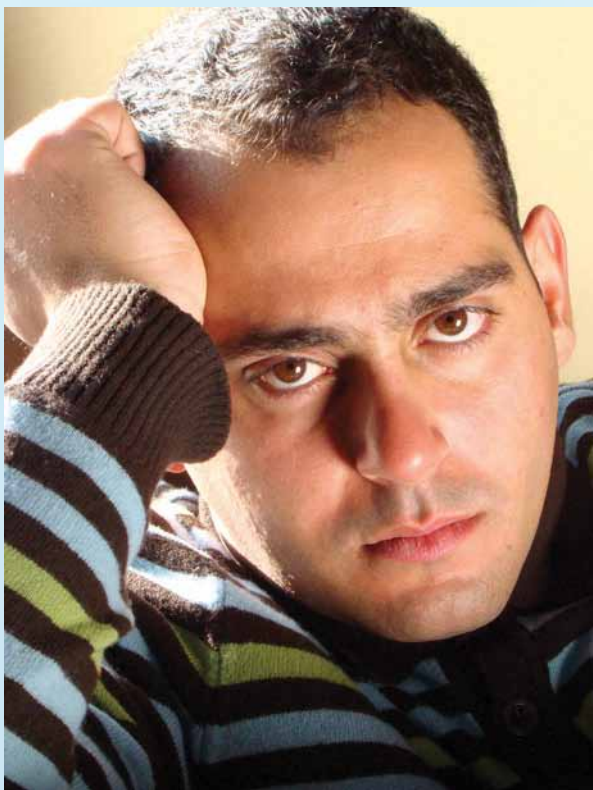
А вот – еще гульрипшская зарисовка. Думбадзе строит на своей даче камин. Симонов приходит по два-три раза в день, дает советы, а потом помогает делом: навешивает двери на комнату с камином. «И это мероприятие назвал так: «Взнос в фонд помощи грузинским писателям у-дачни-кам (он обыгрывал слово «дача»)»,

– вспоминал Думбадзе. И еще одно его воспоминание о Симонове и камине: «Подарил мне огромную свечу, которая и теперь стоит над камином, и когда она горит, у меня такое чувство, что это свет и тепло от Константина Михайловича. Я редко теперь зажигаю эту свечу: боюсь, что она кончится».

Увы, и с законами природы не поспоришь. Каждой свече предстоит когда-нибудь догореть... В последний раз литераторы Грузии встретились с Константином Михайловичем за пять месяцев до его ухода. В марте 1979 года в Москве проходят вечера грузинской поэзии, и Симонов появляется там, несмотря на протесты участников – они видели, что он уже плохо себя чувствует. Потом, спустя неделю, с Константином Михайловичем, который, по словам Нодара Думбадзе, «своим гостеприимством мог затмить гостеприимство любого грузина», встречаются уже в больнице. Он обсуждает только что проведенные вечера и мечтает о продолжении таких встреч в будущем. Говорит, что подлечившись в Крыму, обязательно приедет в Грузию...

Он оставил уникальный поэтический подарок и этой стране, и всем, кто ее любит – антологию «Если пелось про это», кропотливо подготовив для нее стихотворения 145-ти (!) русских поэтов о Грузии. Которая, как родного, провожала его на фронт. И которую он так вспоминал на последней встрече с грузинскими друзьями в больнице: «Ночью перед сном мне почему-то показалось, что горы здесь совсем рядом, а утром вроде отдалились... Как хочется пройти босиком по зеленой траве»...

Дмитрий Мерабишвили

ПРАВИЛА ЖИЗНИ ДМИТРИЯ МЕРАБИШВИЛИ

■ **Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ**

«Актеры – как дети». Эта фраза давно уже вошла в привычку, обветшала, как платье, и никто ее не оспаривает. Привыкли. Тем отраднее встретить актера, которого немислимо, бестактно и даже, простите, как-то глупо было бы сравнить с дитем (при всей условности этого сравнения). Настолько он лишен инфантильности и обидчивости, капризов и мнительности, столь свойственных, чего уж тут скрывать, театральной братии.

К своим 35-ти годам Дмитрий Мерабишвили – взрослый человек и самостоятельный мужчина. Он независим, потому что его настроение не зависит от распределения ролей, гастрольного графика, театральных рецензий. Он просто работает – энергично, талантливо, дисциплинированно. При этом умудряется играть и в Грибоедовском, и в Свободном театрах, а еще – руководить строительной компанией, которую когда-то создавал сам, с нуля. И никогда никого не подводит. За его плечами – десятки безупречно построенных домов и, конечно, сыгранных ролей в таких успешных спектаклях, как «Мастер и

Сцена из спектакля «Мастер и Маргарита»

Маргарита» М. Булгакова, «Избранник судьбы» Б.Шоу, «Гетто» Дж. Собола, «Женитьба» Н. Гоголя, «Холстомер. История лошади» Л.Толстого, «Старший сын» А.Вампилова, «Ревизор» Н. Гоголя. Помимо многих достоинств, Дима знаменит своей улыбкой – сияющей, обаятельной. И что самое примечательное, эта улыбка – не актерская, а самая что ни на есть настоящая. Как надо жить, чтобы так улыбаться? Об этом и поговорили. Начали с блица, который сам собой перешел в разговор о правилах жизни нашего героя.

– **Какой период вашей жизни вы вспоминаете как самый счастливый?**

– Да вся жизнь – счастье!

– **За что вы больше всего благодарны судьбе?**

– За то, что меня окружает очень много хороших людей.

–

У вас широкий круг друзей?

– Очень. В него входят и друзья детства, и те, с кем я познакомился всего лишь несколько лет назад. И этот круг все время расширяется.

– **Какой совет вы бы дали себе 18-летнему?**

– Делать только то, к чему лежит душа. Всегда быть начеку. Задумываться над каждым своим поступком. 18-летнему Диме я сказал бы еще – всегда слушай свое сердце. Не бойся пробовать, экспериментировать, если ты этого хочешь, если чувствуешь, что тебе так нужно, важно, необходимо. Даже если кто-то на тебя обидится, действуй! Свобода – самое главное. Чтобы потом, спустя годы, не пришлось бы жалеть – эх, почему я не решился.

– У вас есть любимое место в Тбилиси?

– Деликатная тема. Тбилиси очень изменился. Многие говорят, что любят Тбилиси. Но если судить по поступкам – и правительства, и простых людей – мне кажется, что по-настоящему заботятся о городе лишь единицы. Забота – это, прежде всего, отношения между людьми. От прежних мало что осталось. Я вырос на Плеханова, в итальянском дворе. Там и ругались, и дрались, и обнимались. Но люди были добрее, интересовались друг другом. Вообще мне кажется, что страна проигрывает из-за того, что к ней неправильно относятся. Необходимо осознавать, что это наша страна, наш город, город наших детей. Но все живут сегодняшним днем. Никто не смотрит в будущее. Словно «после нас – хоть потоп».

– Удивительно слышать такие слова от молодого человека. Это старшее поколение обычно говорит – вот, в наше время...

– Я родился в 1981 году. Хорошо помню и 9 апреля, и тбилисскую гражданскую войну... Как люди поддерживали друг друга! Но за последние 20-25 лет изменилось отношение к любимым (лю-

Сцена из спектакля «Холстомер. История лошади»

бым!) вопросам. Оно стало прохладным, почти равнодушным. Точка отсчета у всех одна – я, я, я.

– Может, от того, что большинство тяжело живет?

– Когда не можешь прокормить ребенка – это одно. А когда не хочешь погладить его по голове – это другое. Есть важные вещи, для которых не требуются деньги – например, для доброго слова. Но я хочу сказать о другом. Самая большая проблема, что люди не знают, чего хотят. Свободной страны? Территориальной целостности? А что это такое? Не задумываются. Надо стараться жить не только для себя и для своих детей. Но и для города, для страны.

– Театр, искусство могут помочь?

– Уверен, это огромная сила. Я не знаю, как

в других странах, но у нас культура имеет особое значение. Мы не погибли только потому, что именно они нас и спасают. Правда, и тут палка о двух концах. Зритель приходит в театр и хочет испытать эмоции – посмеяться, поплакать. Но сейчас в основном ставят такие спектакли, что потом несколько дней приходится думать – а что хотел сказать режиссер? Это как у художников – ты можешь быть сто раз абстракционистом, но должен уметь нарисовать классическую лошадь. А многие наши режиссеры, условно говоря, лошадь нарисовать не могут.

– Давайте обратимся к вашей истории. Как все начиналось?

– Моя мама – филолог-русист, папа – классический танцовщик. Не могу сказать, что у меня строгие родители. Мы всегда разговаривали, беседовали. Мне объясняли – я понимал. А потом меня нагрузили занятиями по английскому, плаванию, музыке – так, чтобы я физически не мог свернуть ни на какую кривую дорожку. В конце дня я от усталости засыпал за ужином.

– Книжки читали или ваше поколение уже обходилось без книг?

– Посудите сами: я учился в одной из лучших русских школ города – 37-й, мама – педагог русского языка и литературы, да еще собирался поступать в театральную... Конечно, читал. И это вошло в привычку на всю жизнь.

– А почему решили стать актером?

– История была такая. Я жил неподалеку от сада «АртО». Там находился Дом творчества, где дети занимались рисованием, пением, танцами. Там же был и драмкружок, куда я иногда просто заглядывал из любопытства, когда приходил в сад играть в футбол. Как-то раз, когда я уже перешел из русской школы в грузинскую, к нам в класс вошла женщина и объявила о наборе в «АртО», в драматический кружок. И я записался. Кружком руководил Георгий Николаевич Тодадзе (заслуженный деятель искусств, профессор Грузинского университета театра и кино им. Руставели, – *Н.З.-Ш.*). Каждые вторник и пятницу мы занимались. Вскоре нам сообщили, что состоятся гастроли детских театров в Москве. Мы повезли «Маленького принца». По задумке режиссера в спектакле действовали три принца – младший, постарше и взрослый. Я был средним. Младшего играл Миша Джавахишвили – талантливый человек, который сейчас занимается грузинским песнопением, а взрослого – Ия Сухиташвили, ныне известная актриса. Потом драмкружок перерос в театральную школу-студию «Берикеби», мы стали ее первым выпуском. Мое будущее определилось. И я поступил в Театральный институт. Легко. Поступал, кстати, вместе с Поликом Кублашвили и Гогой Барбакадзе, моими нынешними коллегами.

– Как учились?

– Мне очень повезло – я попал в группу Шалвы Гацерелия. Эти три года (на четвертом курсе с нами работал Андро Енукидзе – ставил диплом-

Сцена из спектакля «Ревизор»

Сцена из спектакля «Женитьба»

ный спектакль) в профессиональном плане были очень тяжелые и очень счастливые. На первом курсе мы поставили «Снежную королеву», на втором – «Чайку», я играл Треплева, на третьем – «Вчерашние» Шалвы Дадиани. Скажу вам честно, если бы мне сегодня предложили сыграть в том самом спектакле «Вчерашние», я согласился бы с удовольствием. Он был не студенческим, а серьезным, достойным, очень профессиональным спектаклем. Шалва Гацерелия уважаем и знаменит в театральных кругах. Проблема в том, что он всегда руководил грузинским ТЮЗом, то есть формально имел статус руководителя театра для детей. А его ТЮЗ не был детским театром. Гацерелия ставил там блестящие спектакли. Как и в Театральном институте. Я вспоминаю работу с ним с волнением и наслаждением. Это навсегда осталось в моем сердце.

– Почему дипломный спектакль на вашем курсе ставил Андро Енукидзе?

– Знаете, батони Шалва так поступал не раз. Обучал студентов три года, а потом передавал их кому-то другому, а сам набирал новый курс.

– Вы окончили институт в 2002 году. Время было непростое. Как искали работу?

– Я не ходил по театрам и не предлагал себя. Где-то в глубине души я предполагал, что уеду. Причем не в Америку, а в Москву. Почему-то именно там я

видел перспективу для себя как для актера. О другой профессии тогда и не помышлял. А в жизни все вышло по-другому... Потом я сыграл в Свободном театре – как приглашенный артист у приглашенного режиссера. А в 2004 году Автандил Варсимашвили пригласил меня в Грибоедовский театр. Да-а-а... Уже 13-й год я работаю здесь... Первой моей работой стала роль Министра в сказке «Принцесса и свинопас». Короля в этом спектакле играл Джемал Сихарулидзе. Мы подружились сразу же. Джемал знал много моих тайн. Как-то он меня спросил: «Почему ты пришел в Грибоедовский?» – «Да это временно. Собираюсь уезжать». «Сынок, – сказал Джемал, – лет сорок назад я тоже думал, что пришел сюда временно. Уезжать надо сейчас же. Или ты останешься здесь навсегда». Так и вышло. Я никуда не уехал. И не жалею.

– Какая из сыгранных в Грибоедовском ролей кажется вам самой значительной?

– Коровьев в «Мастере и Маргарите» у Авто Варсимашвили. Это было в 2006 году. Булгакова я всегда хорошо знал и очень любил. И когда в свое время читал роман, даже не предполагая, что кто-то его поставит и мне посчастливится в нем сыграть, меня привлек именно образ Коровьева, только он. Это роль, о которой я мечтал! И я получил этот подарок судьбы.

– Как работалось? Ведь только кажется, что Коровьев

– простая роль.

– Сложнейшая роль. Хотя, вы знаете, наверное, вообще ничего никогда не получишь легко. Ни хлеба, ни жены, ни роли.

– Выигрыш в лотерею дается легко.

– Да ну, это самое простое, что может случиться. Это не греет душу. А что касается работы над ролью, играешь ли ты Гамлета или принца Лимона, необходимо затрачивать усилия. Хотя, играя Коровьева, я не шел трудными путями. Тем более, что Авто хорошо знал, чего от меня хочет. Мы много беседовали, трудились тандемом, и все получилось. Я не уверен, что с другим режиссером мне работалось бы так же хорошо.

– Этот спектакль стал легендарным. Жаль, что его восстановить невозможно – такие исполнители ушли из жизни...

– А лучше и не восстанавливать. Пусть останется легендой.

– Как вообще вам работается с Автандилом Эдуардовичем?

– Лучше не бывает! Я понимаю его с полуслова, вообще без слов. Помогает и то, что мы большие друзья в жизни.

– Вы значительно младше...

– Ну и что? Разве это мешает дружбе? Джемал был гораздо старше, мы его называли Бабу, Дедушка, но дружили. И говорили по душам, и пиво вместе пили, и много чего еще делали. Но это

не для прессы (смеется). Батони Авто – близкий друг. И это помогает в работе, снимает зажим, актерские комплексы перед режиссером. Конечно, считается, что в театре должна быть строгая иерархия, выше всех стоит режиссер, а актеры – так, где-то пониже... Это всегда у меня вызывало протест. Мы все – на равных, все вместе работаем на результат.

– Как складывалось ваше сотрудничество с Гоги Маргвелашвили в спектакле «Старший сын»?

– Обожаю эту роль! После Шалвы Гацерелия это была первая работа, в которой я вспомнил свое студенчество. Это были уроки мастерства, которые обязательны в любом возрасте. Могу сказать одно: если ты участвуешь в его спектакле и если дотянул до премьеры...

– Дожил.

– ... то результат будет того стоить. Он очень дотошный режиссер (мне это нравится!) – логике каждого персонажа, будь у того хоть одна реплика, и всего спектакля выстраивает безупречно. И еще – он никогда не искажает автора. Мы всегда следуем пьесе.

– Вам важно, как принимают спектакли критики?

– Мы играем прежде всего для зрителя. И «Старшего сына», и «Ревизора» зритель принимает очень хорошо! Мы такую отдачу получаем из зрительного зала! Это самое главное.

– Дима, почему вам захотелось расширить сферу деятельности и заняться чем-то помимо театра? Ведь вы говорите, что всегда счастливы?

– Мое счастье зависит не только от того, что я делаю в театре. Я вообще очень позитивный человек и стараюсь во всем видеть положительные стороны. Человек должен радоваться тому, что у него есть. Пока ты жив, пока дышишь, мир прекрасен. Столько всего хорошего можно сделать и быть таким счастливым! Когда в мае выходишь на улицу и видишь цветущие деревья, вдыхаешь весенний воздух – это уже счастье. Счастье я могу почувствовать и во дворе, и в квартире, да где угодно! Счастье – в тебе самом, в том, как ты смотришь на этот мир. Это не значит, что я не замечаю того, что реально происходит. Просто я настроен позитивно. Всегда.

– Что для вас значит ваш дом?

– Мой дом – моя крепость. Лучше всего я чувствую себя дома. Но для меня важны не стены, а люди. Мне и квадратного километра не нужно, если со мной не будет моих близких.

– Как вы воспитываете своих детей? С улыбкой?

– Конечно. Георгию всего полтора года, а Тате уже пять лет, и мы с ней большие друзья, все делаем вместе – и конфеты покупаем, и футбол смотрим, и в кафе ходим. При этом из всего создаем событие. Понимаете, я так в нее влюблен, как не был влюблен ни в кого. Я не строгий отец. Может быть, потом стану строгим, если мои дети будут переходить какие-то границы. Но сперва эти границы надо построить. Самое главное, чему я учу и буду их учить – никогда не врать. Никогда. Это самое страшное. А еще – ни при каких обстоятельствах не быть выскочкой. Лучше стоять чуть в стороне и заниматься делом, чем лезть вперед, распахивая всех локтями. Если ты делаешь дело, это обязательно заметят и оценят. А вообще, в воспитании очень много зависит не столько от слов, сколько от поступков родителей. Генетика генетикой,

но есть какие-то моральные принципы, которым я не смогу изменить никогда. И это основа воспитания, на мой взгляд. Дети должны видеть, по каким правилам я живу.

– Мораль, совесть – какие старомодные понятия. Не мешают ли они жить?

– Нет, помогают. Жить без совести – значит попросту коптить небо и делать гадости.

– В жизни лучше быть наглым или скромным?

– Скромным, конечно. Я ищу именно таких людей. Со скромными людьми легко и приятно жить, общаться, работать. Они всегда найдут себе применение. С наглым человеком не хочется иметь ничего общего. Для них все двери закрыты.

– А какой вы начальник?

– Очень требовательный. К себе – в первую очередь. Кстати, вот еще, чего в нашей стране катастрофически не хватает – ответственности. Это самое ужасное – когда никто не хочет брать ответственность на себя. Что такое ответственность? Значит, что я отвечаю за все – за свои слова, поступки. И не надо ни на кого указывать пальцем. Сам отвечай! Иначе у нас останутся только прекрасные песни и тосты. И все.

– Какой человеческий поступок вас восхитил?

– Меня восхищает, как новое поколение меняет свое отношение к людям с ограниченными возможностями. Таких детей уже не называют даунами, и это прекрасно. Очень трогает любое проявление доброты, поддержки – даже когда кто-то кому-то помогает просто перейти дорогу. Я всегда такое замечаю, и меня это волнует до слез. Надо всегда прислушиваться к тому, что происходит вокруг, и всегда быть готовым прийти на помощь. Столько добрых дел можно сделать!

«Русский клуб» сердечно поздравляет Дмитрия Мерабишвили с 35-летием и желает благоденствия, побед и удачи!

Игорь Лысов

ИГРОВОЙ ТЕАТР ПРОТИВ ИМИТАЦИИ РЕАЛЬНОСТИ

■ Елена СКУЛЬСКАЯ

Почти два года Русский театр Эстонии возглавляет новый художественный руководитель Игорь Лысов. В Таллине он дебютировал как московский режиссер, приглашенный на постановку «Дяди Вани», и после премьеры остался в театре. Лицо Русского театра Эстонии за это время принципиально изменилось. Лысов поставил не только «Дядю Ваню», но и «Вишневый сад», «Пир во время чумы», «Женитьбу», «Коронацию» Марека Модзелевского. Труппа театра и зрители давно истосковались по русской классике, и потому особенно интересна концепция Игоря Лысова, его взгляд на Чехова и современное театральное искусство вообще.

– Игорь, как вы относитесь к обещаниям Чехова, говорившего о светлой и радостной жизни через двести или тысячу лет? Вот Соня в финале «Дяди Вани» уверяет, что мы «увидим жизнь светлую, прекрасную... мы увидим все небо в алмазах...» Да, собственно, все его пьесы заканчиваются примерно так. В «Трех сестрах» Ольга обещает: «... страдания наши перейдут в радость для тех, кто будет жить после нас, счастье и мир настанут на земле...»

– Если внимательно читать монолог Сони, то она говорит, что светлая жизнь настанет после смерти, «там за гробом». То есть русская интеллигенция может рассчитывать на то, что ей будет хорошо лишь после смерти. И еще одна важная вещь: когда Серебряков заговаривает о продаже имения, то на возражения Войницкого он отвечает, что имение принадлежит Соне. «Без согласия Сони я не решусь продать его. К тому же я предлагаю сделать это для блага Сони». Я еще ни разу не видел, чтобы эту сцену решали так, как она написана у Чехова. Соня хотела вырваться из того болота, в которое определила ее жизнь. Но она не смогла (к сожалению) перешагнуть через дядю Ваню. И, по-моему, пьеса «Дядя Ваня» – это пье-

«Дядя Ваня»

са о Сонечке. Она и называется «Дядя Ваня», а не «Войницкий». Пьеса и написана от имени Сони, с позиции Сони, никто другой не называет Войницкого дядей Ваней. Нельзя этого не замечать... Соня живет одиноко, и при этом глубоко чувствую. И, наверное, это я домысливаю, был какой-то разговор у отца с дочерью, чтобы ей как-то вырваться. Но такое решение повлекло бы за собой страшную трагедию. Вообще-то очень трудно жить с чистым, достойным, благородным человеком, жизнь с которым приводит в трясину. И есть целые культуры и отдельные люди, которые принимают жесткое решение – переступить, обрести свободу, избавиться от болота. Но я знаю, что русская интеллигенция не смогла переступить через свою собственную рутину. Потому что жалко было людей. Чехов во всех своих произведениях об этом пишет, исследует это очень тонко и внимательно. Соня – одна из центральных фигур спектакля. Ее жизнь, ее позиция, ее попытка улететь дана на фоне постоянных монологов Астрова о том, что здесь жить невозможно, что жизнь глупа, скучна, грязна, и на фоне постоянных страданий и гамлетовского рефлексирования дяди Вани. Этой девочке, конечно, хотелось бы вырваться...

– Но ведь Астров говорит и о том, что «если через тысячу лет человек будет счастлив, то в этом немножко буду виноват

и я. Когда я сажаю березку и потом вижу, как она зеленеет и качается от ветра, душа моя наполняется гордостью...»

– Да, вот Астров один сажает деревца, а остальные их губят. И он надеется, что посаженное дерево будет памятью о нем. Но весь лесной оптимизм Астрова вовсе не отменяет смертный приговор, подписанный Чеховым русской интеллигенции и в «Вишневом саде», и в «Дяде Ване».

– Чехов, кажется, не был верующим, поэтому его обещание неба в алмазах после смерти звучит, может быть, вообще иронично?

– Я думаю, что Чехов не был религиозен, он сказал: в религии меня еще греет только колокольный звон. Но это не значит, конечно, что он был атеистом. Совершенных атеистов в те времена трудно себе вообще представить, разве что если мы будем говорить о ряде философов. Вопрос веры вообще очень сложен, и если решиться говорить о нем вслух, то человек, способный самостоятельно соблюдать десять заповедей, может быть, и не нуждается в религии, она заключена в нем самом.

«Вишневый сад»

– У Чехова как раз об этом есть одно весьма веселое письмо, где он говорит о том, что соблюдать заповеди не трудно, многое другое труднее дается.

– Мне думается, что православие – как одно из величайших достижений человеческого духа – все-таки не коррелируется с русским человеком. Русский человек меньше, чем православие, поэтому его так заносит. Удачливая Европа объединилась католицизмом и стала его достойна, а что до русской ментальности, то православие выше ее, и потому религиозная институция выглядит довольно жалко – как в те годы, так и сейчас...

– Таким образом, можно сказать, что все персонажи вашего будущего спектакля сыграют свою трагедию гибели русского интеллигента?

– Каждый из занятых актеров, несомненно, играет эту тему, и никто, может быть, не играет трагедию. Каждый, стоя на краю пропасти, пытается вырваться, избежать падения. Каждый борется даже не за то, чтобы удержаться, но за то, чтобы подняться. И потому все, как ни странно, довольно оптимистично, хотя, в конце концов, действия всех и каждого ведут к катастрофе. Гибель этой цивили-

зации – неизбежный, непреодолимый форс-мажор. А кто-то не слышит, не чувствует приближения гибели. В спектакле есть такой эпизодический персонаж – работник – он просто работает, он каждую минуту, каждую секунду спектакля что-то делает.

– Есть такой термин «игровой театр». Вы представитель игрового театра. Что это значит?

– Сама формулировка «игровой театр» – не верна, хотя я принадлежу к тем людям, которые ее несут. Игровой театр – национальность театра. Все-таки люди на сцене играют? Или они страдают? Игровой театр отличается от того, что мы называем «психологическим театром» тем, что игровой театр протестует против имитации реальности. Актеры на сцене имитируют жизнь людей, которых они изучают. Это психиатры. В игровых структурах конфликт выражен не как противоборство, а как противоположность. Ведь противоборствующие стороны не могут любезничать, они будут бороться. А противоположные стороны могут и любезничать друг с другом. Это значит, что предмет нашего конфликта не в нас с вами, а между нами. И мы объединяемся для драматического постижения этого предмета. И никогда не выясняем на сцене отношения между женщиной и женщиной, между сыном и матерью, между мужем и женой, поскольку эти отношения, как правило, штампованные. Если отношения матери и сына уникальны, то их нельзя играть, а если они типичны, то все артисты заранее знают, как себя вести, и подминают реальные события, которые могли бы быть на сцене, имитацией жизни.

– На что же ориентирован игровой театр?

– На новейшие достижения человеческой мысли. Ни в коем случае не имею в виду новую драму, манипулирующую человеческим сознанием. Там есть только ситуация, на которую смотрит публика, находящаяся на уровне заведомо более высоком, чем та самая ситуация. Предмет театра, на мой взгляд, должен быть художественным. Но есть театры, для которых предметом является актуальность. Для меня это публицистика или эпатаж, не имеющий к искусству никакого отношения.

Игровой театр – это театр, где действие не названо, а найдено. Само открытие принадлежит Марии Осиповне Кнебель – непосредственной ученице Константина Сергеевича Станиславского; сформулировал это понятие ученик Марии Осиповны – Анатолий Александрович Васильев, непосредственным учеником которого являюсь я. Искусство ведь передается из рук в руки, а не каким-то другим, опосредованным путем.

Итак, действие должно быть не названо, а найдено. Сегодня контрольный пакет всех постановок в руках режиссеров, которые называют действие с самого начала. И дальше актер вынужден имитировать и натаскивать себя на это действие к дате премьеры. По-моему, это убийство театра. Театр можно убить и с другой стороны – новой драмой... Игровой театр отказывается упасть в грязь новой драмы и не может в целостности сохранять традиции классического психологического театра, который умирает... Впрочем, объяснить коротко довольно сложные вещи не так-то просто...

ГРИБОЕДОВЦЫ ПОКОРИЛИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

■ СОБ.ИНФ.

Международный фестиваль стран СНГ и Балтии «Встречи в России» давно обрел большой авторитет и серьезную репутацию. Принять в нем участие считают за честь лучшие театры постсоветского пространства. По традиции он прошел в Санкт-Петербурге, в Театре-фестивале «Балтийский дом», в начале апреля и уже в 18-й раз собрал театральные коллективы, каждый из которых представил спектакли, заслуживающие внимания и интереса.

Тбилисский государственный академический русский драматический театр им. А.С. Грибоедова показал свою недавнюю премьеру – фантазмагорию Автандила Варсимашвили «Ревизор» по комедии Н.В. Гоголя. Этот спектакль успел прогреметь в Грузии: решением Национального центра исследования современного театра и Независимой Национальной ассоциации театральных критиков «Ревизор» победил в номинациях «лучший спектакль страны», «лучшая режиссура», «лучшая мужская роль», «лучшее музыкальное оформление».

Одним словом, грузинская публика (как специалисты, так и любители) высоко оценила спектакль, и «Ревизор» отправился покорять самых строгих и бескомпромиссных театралов – питерских.

Скажем прямо – зрители Санкт-Петербурга спектакль грибоедовцев приняли с восторгом. Дабы читатель не заподозрил нас в предвзятости, представим слово генеральному директору фестиваля Сергею Шубу: «Мы хорошо знаем ваш театр и, конечно, ждали успеха. И все-таки «Ревизор» Автандила Варсимашвили стал настоящей сенсацией. Те овации, которые вам устроили, войдут в книгу рекордов Гиннеса фестиваля. Мои дорогие, я от всей души вас поздравляю с блистательным выступлением на сцене Театра-фестиваля «Балтийский дом». Вы победители! Вы показали прекрасный, высочайший уровень театральной культуры, театральной энергетики, соединяющей и грузинский темперамент, и русскую харизму. Поздравляю вас с огромным успехом!».

Добавим, что в рамках фестиваля в «Балтийском доме» состоялось открытие мемориальной доски великому Георгию Товстоногову, чей творческий путь, как известно, начинался в 1938 году в Тбилиси, в театре имени Грибоедова. Закономерно, что церемонию открытия провели Сергей Шуб, друг и соратник Товстоногова Олег Басилашвили и директор Грибоедовского театра Николай Свентицкий. Кроме того, на Круглом столе фестиваля Н. Свентицкий представил доклад «Тбилисский русский театр имени Грибоедова – со-

кровищница русской культуры на Кавказе».

Картина пребывания грибоедовцев на берегах Невы будет неполной, если мы не скажем о том, что молодые артисты театра Василий Габашвили и Мераб Кусикашвили приняли участие в международном театральном мастер-классе, организованном «Балтийским домом».

На мастер-класс были приглашены 10 артистов – помимо Тбилиси, из Бишкека, Алматы, Могилева, Баку... Куратором занятий стал Александр Платунов, заместитель председателя Комитета по культуре Санкт-Петербурга, кандидат искусствоведения, доцент Санкт-Петербургской государственной Академии театрального искусства. Участники получили для работы тексты произведений А.Пушкина, А.Блока, А.Ахматовой, Н.Гумилева, Д.Хармса. Занятия-репетиции с молодыми артистами проводила театральная режиссер, педагог Татьяна Павловец. В задачу участников входило овладеть текстом, поработать над ним и, самое главное, прочитать на камеру – в фильме, который снимался в ходе мастер-класса. Картина молодого режиссера Николая Филиппова в данный момент монтируется, и совсем скоро ее увидят зрители.

А если добавить, что театральная молодежь в свободное от занятий время успела посетить музей-квартиру А.С. Пушкина, музей А.А. Ахматовой, музей Ф.М. Достоевского, остается только порадоваться за молодых грибоедовцев, которым выпала удача принять участие в такой насыщенной программе.

«Санкт-Петербург – город великий и для нас, и для всего человечества, – сказал Николай Свентицкий, выступая в «Балтийском доме». – Я благодарю театр-фестиваль «Балтийский дом», нашего, скажем так, уже ближайшего родственника за неизменную верность, любовь и предлагаю создать проект, в котором какая-то часть фестиваля проходила бы в Тбилиси. Например, «Тбилисский Балтийский дом». Ну, мы с вами что-нибудь придумаем!»

Обретя любовь в Тбилиси...

*...Мы были в Грузии. Помножим
Нужду на нежность, ад на рай,
Теплицу льдам возьмем подножьем,
И мы получим этот край.*

Б.Пастернак

■ Карина ПОГОСОВА

Моя вторая весна и четвертая встреча с Тбилиси. В первый визит я, пригревшись, в удобной позе эмбриона, находилась в маме. Пятилетней вернулась сюда, чтобы навестить бабушку с дедушкой (по папиной линии). Сохранилась фотография меня, восседающей на искусственном олене в парке Муштаид. Еле вспоминается май 24-летней давности-«выдержки» – отнюдь не терпкий, далекий и наивный. Я не приезжала в город, где родился папа, 24 года! В 91-м столица Грузии мне показалась сломанно-сломленной, пустой, растерянной. Помню Куру и ресторан над ней, в который нас пригласили родственники (застольями «теплый город» славился всегда!); разрушенные стены клиники и уставших врачей, стремившихся мне помочь. Помню, мне приснилось, что дедушка в Москве умер. Расплакалась. Проснулась. Хотела забыть увиденное во сне – не получилось. Вернувшись домой, услышала шепот еле сдерживающей рыдания мамы: «Кариночка, я сейчас скажу тебе кое-что, только ты обещаю не расстраиваться сильно... наш дедушка умер ночью во сне». Первая по-настоящему взрослая новость, к которой я совершенно не была готова. А дальше все как у людей, переживших трагедию: слезы, запах сырой земли и еловых веток, охапки живых цветов и лютей, притаившийся где-то внутри страх. Мой тбилисский сон оказался вещим.

Двадцать четыре года прошли. Я выросла. Повзрослела ли – не знаю... Я снова в гостеприимном Тбилиси рядом с папой, который так долго звал и ждал меня. Лучший папа на свете! Это он научил меня надеяться только на себя, учиться всегда и везде, не унывать, помогать людям, вовремя питаться и высыпаться. Последние два пункта не усвоены мной до сих пор. Мне было некогда посетить родину папы: карьера, работа, учеба – ничего осо-

Карина Погосова в Кахетии

Ботаническая улица

Полет над городом

Счастливое детство

бенного в рамках Вселенной, но для моего мира все это набирало долгие годы центробежную силу.

Впервые я увидела летний Тбилиси: августовский, пестрый, пропитавшийся ароматами фруктов, зелени, специй, раскаленный от раздухарившегося солнца. Меня «накрыла» ностальгия по местным красотам с горными ручьями и потрясающей кух-

ней, внимание приветливых жителей: я соскучилась по атмосфере нежности и уюта за годы покорения тщеславной карьерной лестницы. Жадно «набросилась» на город и знакомых, которых не видела много лет: за месяц обошла самые красивые, важные места, познакомилась с интересными, талантливыми людьми, встретила с приятелями. Подобно доброму кашалоту, я «поедала» впечатления от посещения музеев, пантеонов, театров, ресторанов, прогулок по старому городу, горам. А еще... здесь я обрела свою любовь – мужчину, с которым мне нравится делать все, даже молчать, всматриваясь в очертания Большой Медведицы на засыпающем звездном небе...

Моя вторая весна в Тифлисе похожа на прохладное русское лето. Алыча цветет подобно сакуре, создавая розово-малиновые оазисы посреди строек, дивизионов машин. Храмы отряхиваются от ветреной затянувшейся зимы, подставляя купола пронзительным солнечным лучам. Грузия глубоко православная. Здесь так много крестящихся, молящихся, верующих. Я люблю бродить по городу, заходить в церкви за руку с любимым, слушать озвученные им увлекательные истории создания живописных полотен грузинскими художниками, иконописцами. Оказывается, мир сужается до размеров метрового круга, в котором только он и я. На этой миниатюрной планете так камерно-замечательно, так хорошо...

В Тбилиси все располагает к любви, даже воздух какой-то лирический... Они не обманывались:

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою. (А.С.Пушкин);

Сны о Грузии – вот радость!
И под утро так чиста
виноградная сладость,
осенившая уста. (Б.Ахмадулина);

...Я знаю:
глупость – эдемы и рай!
Но если
пелось про это,
должно быть,
Грузию,
радостный край,
подразумевали поэты... (В.Маяковский);

Земля далекая!
Чужая сторона!
Грузинские кремнистые дороги.
Вино янтарное
В глаза струит луна,
В глаза глубокие,
Как голубые роги. (С.Есенин)

Мне Тифлис горбатый снится,
Сазандарей стон звенит,
На мосту народ толпится,
Вся ковровая столица,
А внизу Кура шумит. (О.Мандельштам).

Я продолжаю писать стихи. Они уже не печальный настой, спасение от одиночества, крик души, а откровенный монолог, гармония в столбик, спустя годы возвращающаяся к эмоциональной хозяйке:

...Парусинкой усну на широкой груди
Корабля волевого.
Ты меня не ругай: я ведь тоже учусь
Музой быть рулевого.

Меня впечатлило посещение Пантеона писателей и общественных деятелей Грузии, расположенного на склоне горы Мтацминда. К нему мы поднялись по канатной дороге. Одним из первых здесь был похоронен Александр Грибоедов, на чьем могильном камне высечено посвящение заботливой жены Нины Чавчавадзе: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя?» Пламенное беззаветное чувство навсегда объединило русского писателя и дочь поэта, князя А.Чавчавадзе. Трогательная история, смысл которой: смерть не есть забвение любви.

Тбилиси – город цветов! Повсюду за копейки (местные тетри) можно купить фиалки, гортензии, мимозы, ирисы, желтые тюльпаны. Я визжу, как поросенок, от счастья, когда неожиданно паркующийся и отлучающийся любимый через пять минут возвращается с декорированным со вкусом букетом – тогда душа моя сжимается от восторга.

Я с любопытством наблюдала, как 3 марта в День Матери юноши вышагивали по улицам с флористическими кулечками в руках: торопились поздравить главных своих женщин, подаривших им жизнь. В Грузии развиг культ родительско-детской любви, который мне близок.

Еще одно наблюдение: помимо ароматного лаваша, в «подвальчиках» города выпекается мамин хлеб в виде лодочек – «дедас пури». Он особенно вкусен, когда горячий и имеет хрустящие бока-корочки. Мамочка, я люблю тебя!

Грузины «отдают себя» самоотверженно, фанатично, страстно, будь то семья, родина или национальные блюда. Они приверженцы классической кухни, экспериментировать со святым не готовы. Хачапури и хинкали – «якоря»: однажды бросил – остался навсегда!

За восемь месяцев я побывала во многих концертных залах, консерваториях, театрах. В Грибоедовском гастролирующий «Евгений Онегин» Туминаса тронул до глубины души. Такого аншлага я не наблюдала даже на московских премьерных спектаклях! Театр марионеток Резо Габриадзе, его «Рамона», «Сталинград» виртуозны, с первых секунд просмотра овладевают сознанием. Резо уникален: только талантливый фантазер, с чистой детской душой мог создать сценарии к фильмам «Не горюй!», «Мимино», «Кин-дза-дза».

В детстве папа говорил мне: «Тбилисцы – особая нация». Сейчас я понимаю, что он имел в виду. Они не делят людей на своих и чужих; любят вкусно поесть, выпить вина; живут в «итальянских» многонационально-многоконфессиональных дворах; «день рождения справляют и навеки проводят всем двором». Тбилисцы чувственные, жизнелюбивые, с прекрасными чувствами юмора и стилиа, музыкальные, озорные, влюбчивые, эмоци-

С отцом Леваном Погосовым, Кахи Кавсадзе и Гиви Берикашвили

ональные, патриотичные, гостеприимные. Они дирижируют, режиссируют, жадно пьют жизнь большими глотками.

Это город художников и поэтов. Выставки «оживают» вдоль улиц, в парках – вдохновение здесь становится осязаемым.

Мне нравится гулять по проспекту Руставели, разглядывая прохожих в ультрамодных, ассиметричного кроя кардиганах, ботинках на массивных каблуках, «тельняжечном» трикотаже; заскикивать в уютное местечко, где продают знаменитую воду Лагидзе и хачапури. Обожаю слоеный квадратик и сливочно-шоколадный лимонадный микс. Любимый предпочитает «Лимонный».

Мы часто отправляемся с ним во Мцхета, чтобы впустить в себя чистый воздух и целительную тишину гор, а еще созидающую энергию рек Куры и Араги, которые сливаются воедино у подножия храма Джвари. Здесь мой любимый впервые решительно и одновременно робко взял меня за руку, чтобы больше не выпускать – исполнил мое тайное желание. А ссыльный Лермонтов когда-то осуществил свое, вдохновившись природной роскошью Мцхета, – написал «Мцыри». Так бывает, что опала вдруг становится раем...

Если любовь имеет оттенки, то грузинская – пурпурная, цвета крови, пламени и коралла.

Мы с тобой, как двое дорвавшихся до истинного счастья бродяг, обдуваемы ветром: стоим свободные, обнявшись крепко, держимся за руки и благодарим Бога за любовь.

Дни, как каштана листья,
Молча взлетают вверх.
Мой бездорожный ветер,
Ты мне дороже всех!

Фото автора

СНЫ В ТБИЛИСИ

■ **Илья ЛИСНЯНСКИЙ**

Сон третий

про город как калейдоскоп.

*Посвящается Саше Сватикову,
Илье Чакветадзе и Георгию Кикнавелидзе (Балу)*

Моей любимой игрушкой в детстве был калейдоскоп. Обычный дешевый калейдоскоп с торцевым застекленным окошечком. Я в него смотрел, медленно поворачивая картонную трубку, а внутри этой трубки распускались дивные цветы и чудные орнаменты, похожие на россыпи драгоценностей.

Видения неизменно наполняли мое сердце восторгом, и я снова и снова возвращался к незатейливой игрушке, предпочитая ее множеству более дорогих развлечений. Но однажды мне захотелось посмотреть, как устроено это чудо...

С тех пор я навсегда усвоил три истины.

Красота зачастую скрыта и для того, чтобы ее увидеть, надо найти «заветное окошечко» и посмотреть под разным углом.

Довольствуйся образом. То, что прекрасно в целостном состоянии, не следует разлагать

на составные части.

И, наконец, в стремление добраться до самой сути не доходи до крайности – истина оказывается призрачной, а осколки не соберешь.

Когда мы договаривались о жилье в Тбилиси, хозяйка сразу же честно предупредила, что ее квартира мало похожа на шикарную гостиницу. Но, поскольку въездной визы в Дубай нам пока не светит, и, стало быть, семизвездочному «Бурдж аль – Араб» придется подождать, то предложение было принято. Так мы попали в типичный двор, почему-то называемый итальянским, в старом районе города – Солولاки. Во дворе сушилось белье, играли дети, бегали кошки, соседки, высунувшись из окон, громко обменивались информацией.

На улице, прямо перед «воротами», роль которых исполня-

ла накинутая на столбы веревка, валялась утомленная жарой собака. Так она провалялась все две недели нашего пребывания, пытаясь своим видом вызвать сочувствие обитателей двора, но все напрасно: она не была «своей».

«Москва росла по домам, которые естественно сцеплялись друг с другом, обрастали домишками, и так возникали московские улицы... Основная единица Москвы – дом, поэтому в Москве много тупиков и переулков.

В Петербурге совсем нет тупиков, а каждый переулок стремится быть проспектом... Улицы в Петербурге образованы ранее домов, и дома только восполнили их линии. Площади же образованы ранее улиц. Поэтому они совершенно самостоятельны, независимы от домов и улиц, их образующих. Единица Петербурга – площадь» (Ю.Тынянов «Кюхля»).

Тогда уж, если на то пошло, единица старого Тбилиси – несомненно, двор, являющийся абсолютно законченной, не только архитектурной, но и социальной структурой. Его обитатели разнятся по национальности, вероисповеданию, образованию и материальным

возможностям. Однако все они объединены той властью, которую раньше называли фатум или удел, а нынче более привычным словом «судьба». Частое употребление слова как-то незаметно, но окончательно, затерло его происхождение и первоначальный смысл. А ведь оно имеет непосредственное отношение к суду.

Суд близких людей сильнее формального закона, и истории тбилисских дворов лишь подтверждают это немудрое правило. Володя Головин в своей книге «Головинский проспект» описывает, как откликнулись соседи на выселение ассирийцев, вдруг объявленных в 1950 году иранскими агентами (какие только фантастические спектакли не ставили сталинские режиссеры!). Поскольку подобные акции выполнялись в условиях абсолютной секретности, то за несчастными людьми приехали ночью и вывели их к машинам, не дав ни собраться, ни одеться. Эшелон, направляющийся в казахстанские степи, уже стоял на путях, ожидая растерянных мужчин, женщин с грудными младенцами, стариков. Многие были бы обречены на гибель в пути от голода и холода, если бы не...

«В Солولاки среди ночи к Левану поднимается сосед, работающий в «органах»: «Выселяют ассирийцев, гони к своим!». И тот, надев майорскую

форму, на мотоцикле мчится к Ваке, где соседи уже собирают... деньги, теплые вещи, продукты. Со всем этим мотоцикл появляется у эшелона, и Леван успевает передать собранное».

И герой очерка, помощник военного коменданта Тбилиси Леван Тер-Терьян, и работник «органов», и упоминаемая дальше в рассказе Зейнаб Абашидзе, невестка первого секретаря ЦК Компартии Грузии, все они без раздумий пошли на серьезное преступление. Но страх перед наказанием, а оно в те невегетарианские времена, могло быть нешуточным, не шел ни в какое сравнение с ответственностью перед судом соседей.

Так в чем же особенность тифлиского двора? Что отличало его от похожих дворов бакинских, стамбульских, варшавских, берлинских, ферганских, где люди с остервенением набрасывались на своих соседей — на тех, с кем еще вчера делили радость и горе? Нет ответа. Калейдоскоп — странная штука: вроде набор стеклышек один, а чуть повернешь и картинка меняется.

Что ж, продолжим смотреть в этот оптический прибор.

Разнообразие национальностей в Тбилиси поражает. Я их перечислять не буду. Равно,

как и описывать многочисленные этнографические музеи, центры, здания, культовые сооружения. Смысла нет. В конце концов, не путеводитель я составляю, а сны смотрю! Но вот, как-то умудряются же на одном пяточке, возле старой площади Мейдан, мирно сосуществовать синагога, грузинские, армянские церкви, католический храм и соборная мечеть! Кстати, в синагоге «грузинской» постоянно толпятся туристы из разных стран, никто их оттуда не просит. Сколько раз я туда ни заходил, столько наталкивался на группы израильтян, внимательно слушающих объяснения гидов про местные особенности иудаизма. Правда, в Судный день пошли мы помолиться в другую синагогу, «русскую». Смеетесь? А что я могу поделаться, если тбилисцы так ее называют. Еще в первых своих снах я отмечал их странности, не удивляйтесь.

Посетил и мечеть. Раньше их было несколько, поскольку была необходимость: в Тифлисе испокон веков жили и азербайджанцы, и дагестанцы, и курды, и другие мусульманские народы. Теперь осталась одна, в районе серных бань. Во время молитв тамлюдно, поэтому я специально выбрал время затишья после утреннего намаза.

Возле открытой двери стоял какой-то мужик, явно причастный к заведению. Мы встретили

Батюшка и Балу. Гречи. Церковь Архангелов. XVI век.

лись глазами, но разминулись молча. Он медленно, как бы по своим делам, последовал за мной. Увидев, что чужачок разулся и поставил туфли на полочку, мужик сразу понял, что я «в теме», разгладился лицом и приветливо «салямалейкнул». В общем, вполне нормально. Как и должно быть. Я вволю пофотографировал интерьер, обулся и ушел. Все остались довольны.

Извините, забыл представить своего спутника: Илья Чакветадзе. Священник Грузинской Православной Церкви, выпускник Тбилисской семинарии и Московской духовной академии, кандидат богословия, спортсмен, эрудит и весельчак, мой товарищ. Ну и, конечно, давайте познакомимся с его близким, еще со школьных времен, другом Георгием, которого называют попросту «Балу». Тот, кто помнит мультфильм «Маугли», сразу поймет, откуда взялось это прозвище. Он похож на боксера-супертяжеловеса, и, в данном случае, впечатление не обманывает – так оно и есть. В прошлом офицер безопасности, выпускник экономического факультета, а ныне увлеченный краевед. В Грузии нет такого уголка, который бы он не знал, равно, как нет такого места, куда бы его не пропустили.

И о чем мы только не переговаривали в наших поездках! Но более всего, конечно, о грузинских храмах.

Ребята, скажу честно: в Грузии есть, что посмотреть. Но все-таки самое главное – это просто натуральный заповедник христианского зодчества. Да что там целая Грузия, в самом что ни на есть центре Тбилиси – церкви шестого, а то и четвертого века! С оригинальными фресками! Много ли такого вам встречалось на просторах Европы?

Однако одно дело, гулять по монастырям одному, другое – со священником. В этом случае, как говаривал мой знакомый тель-авивский бомж по имени Гаврила, «связи решают все!». Да не было такого храма, где бы Илья не пообщался со служителями, куда бы мы не зашли «по самые закрома», не пообщались с местными богомольцами, не выслушали подробные объяснения с комментариями. Рядом с ним мне оставалось только изображать из себя персону, особо приближенную к «Самому», важно шевелить усами и говорить «Да, уж».

В результате наших прогулок, в конце своего пребывания в Тбилиси я уже мог свободно отличать не только синагогу от мечети, но и грузинскую церковь от армянской, что не всегда так просто, как могло бы показаться...

А теперь медленно повернем калейдоскоп.

Из рассказов Балу. Как-то

приехал с визитом в Грузию президент Израиля Моше Кацав. Тот самый, который сейчас сидит в тюрьме и, по-моему, ни за что. А я тогда отвечал за безопасность израильского посольства. И вот Кацаву захотелось проехать по горам. А день, как назло, не очень солнечный, скажем прямо – пасмурный. Но ему хочется. И я его повез. Забрались мы высоко-высоко, едем сквозь облака. Я веду осторожно, медленно. И вдруг перед нами выплывает голова коровы, потом другая... Это стадо проходило рядом, а ног из-за облаков не было видно. Кацав сначала испугался, а потом как рассмеется: «Никогда не видел, чтобы коровы летали».

О грузинах мы поговорили, об армянах тоже; вспомнили азербайджанцев, да и евреев не забыли (как можно!), а русские что же? Разве их роль в жизни города незначительна?

– Значительна, очень значительна! – утверждает Александр Сватиков.

Ему можно верить, ведь он, как следует из официальной справки, «филолог, главный редактор журнала «Русский клуб», главный хранитель Музея Смирновых. Награжден премией «Хрустальная роза Виктора Розова» за вклад в отечественную культуру».

Александр Сватиков

культуру за время прогулок с ним Саша вложил очень весомо. Бесконечная череда старых и, большей своей частью, просто обветшалых домов, в его рассказах ожила и превратилась в роскошные особняки, населенные знаменитостями. Русские писатели и поэты, актеры и музыканты, художники и ученые выходили к пролеткам и помахивали нам шляпами. Роскошные дамы, скрывая лица под вуалями, спешили по своим тайным делам. Там и здесь слышался цокот копыт и крики извозчиков.

Тифлис. Позапрошрое столетие. Грибоедов, Пушкин, Лермонтов...

Вслушиваясь в медленную Сашину речь, невольно начинаешь верить в переселение душ. Ну угораздило же человека попасть из века сентиментального в наше время! Торжественно, будто объявляя о прибытии важного гостя, он взмахивает рукой: «А это знаменитый дом генеральши Ахвердовой».

Как же, как же, это о нем Тынянов писал в своем романе о Грибоедове:

«В деревянном доме семья не рухнет, она расплзается. Вырастает нелепая пристройка. Кто-то женится, рождает детей, жена умирает. Вдовец зарастает плющом, новый карниз возводится – хлоп, женился. Опять идут дети – и уж муж умирает. Вдова остается, а у детей подруги и приятели из соседнего дома, который уже расплзся и полег деревянными костями на зеленой земле. И вдова берет

выводок к себе на воспитание. Все это растет, смеется, уединяется в темных углах, целуется, и опять кто-то выходит замуж. Приезжает подруга, с которой лет тридцать не виделась вдова, и остается навсегда, возводится пристройка, ни на что не похожая».

Тбилисский калейдоскоп удивителен: он позволяет заглянуть в прошлое.

И самые замечательные впечатления о рынке на Сухом мосту. В отличие от «блошек» в европейских странах, здесь несут на продажу действительно старые вещи. Виниловые пластинки, посуду, статуэтки, украшения, музыкальные инструменты, значки. И, конечно, книги.

Увидев «это», я чуть-чуть обалдел. Лиддель Гарт «Полковник Лоуренс», Воениздат, 1939г. Книга без указания тиража – значит, предназначалась «для внутреннего пользования». А как иначе? Естественно: пособие для разведчика. Она просто прикипела к моей руке.

– Значит, делаем так: я сбрасываю до минимума, а ты не торгуешься. 15 лари. Идет?

Посмотрев друг на друга, мы поняли, что сделка состоялась. Монолог продолжился.

Удивительное – рядом!

– Потому что я сразу понял, что ты разбираешься. Вот все они, кто тут книгами торгуют, они вообще что-нибудь читали, кроме похабщины? У меня, вон, «Воскресенье» с иллюстрациями Пастернака лежит, «Тарас

Бульба» с иллюстрациями Кибрика. А ты спроси их, кто такой Пастернак? Они тебе ответят? А я прямо скажу, не отводя глаз: «Леонид Осипович Пастернак, отец Бориса Пастернака!». Потому что они ж тупые, они ж до сих пор путаются, кто написал «Целину» – Брежнев или Шолохов. А вот ты не путаешься?

– Это дело известное: «Целину» написал журналист Анатолий Абрамович Аграновский, а подписался Брежнев.

– Вот, я ж сразу понял, что ты разбираешься. Ты, наверное, еврей. Я угадал, да? Ох, ты прямо из Израиля? И к нам? Ну, ты даешь! У меня там друг Левка в Ашдоде живет, найди его, спроси, кто такой Боря, он тебе сразу скажет. Так и скажи – Боря Саркисов, он тебя сразу обнимет. Купи «Тараса Бульбу»! А чего не хочешь? Тебе задешево отдам. Я всю жизнь книги собирал. Одну к одной! Всю зарплату на них тратил, меня как-то раз за это жена избилла. А они... Что они в книгах понимают? А туда же, лезут продавать! Тут, как классики сказали: «Нимфа, тудить ее в качель, разве кисть дает?». Ты меня понял?

Ах, читатель! Возвращался бы я к тбилисскому калейдоскопу снова и снова, да сон закончился, пора вставать и приниматься за свои обычные дела. С добрым утром!

Фото автора

ПОД СОЛНЦЕМ - ГРУЗИЯ МОЯ

(Окончание)

■ Валерий САНДЛЕР

ХАШИ, ХИНКАЛИ, ХОР

Следом за нами должны были прилететь в Тбилиси наши фрунзенские друзья Алексей и Кира Агибаловы. Алексей, талантливый гитарист, выпускник института имени Гнесиных, одним из немногих в тогдaшнем Союзе хранил (и хранит по сию пору) верность любимому, незаслуженно забытому инструменту – русской семиструнной гитаре. Выступления по радио и телевидению, на сцене местной филармонии, сочинение пьес для гитары он совмещал (как делает это и сейчас) с работой ювелира и чеканщика, его изумительной красоты изделия из серебра и полудрагоценных камней неплохо раскупались, это давало семье серьезный приварок, ведь прокормиться одной лишь музыкой трудно, если ты не Кристофер Паркенинг или Джон Маклафлин, да и те всю жизнь играют на шести струнах, высокомерно не считая семиструнников своими конкурентами. Кстати, от Агибалова я впервые услышал имя Кобы Гурули, великого мастера грузинской чеканки. Леша меч-

тал, что когда-нибудь они с Ки-рой, которая также увлекалась чеканкой, прилетят в Грузию и, если повезет, побывают у Гурули в мастерской. Осенью 1983-го их мечта осуществилась.

Ко времени их появления в Тбилиси мы с Заремой уже несколько дней гостили у Шота и Лили в их крошечной квартирке на улице Гутанской, где и без нас двоих было не разгуляться. На мою просьбу – подыскать для Алексея и Киры, которые прилетают послезавтра, недорогую гостиницу, – Шота сказал, как отрезал: «Друзья моих друзей не будут жить в гостинице! Все здесь поместимся, не переживай». И запретил впредь возвращаться к этой теме...

Агибаловы прилетели. Не хотелось бы в стомиллионный раз повторять избитую фразу, но куда денешься, если в тесноте, но не в обиде – именно то состояние, в котором мы жили до самого возвращения домой. Конечно же, Леша и Кира побывали в мастерской Кобы Гурули, вернулись от него (снова скажу банальность!) счастливые и довольные. Но то, ради чего я вспомнил это наше

совместное гостевание, случилось на следующее утро, сразу после их прилета в Тбилиси.

Накануне вечером, когда наша компания, еще больше выросшая, сидела за накрытым столом, Алексей признался, что обожает грузинское хоровое пение, слышал его в записях, но никогда – вживую. На что зашедший познакомиться с гостями хозяйский сосед Кукури сказал: «Не проблема. Завтра в 6 утра я за вами заеду, сначала отвезу кушать хаши, потом – мужской хор слушать». Хаши, для непосвященных, – суп из говяжьих или бараньих ног, с большим количеством перца и чеснока. Грузины называют его незаменимым средством от утреннего похмелья, если с вечера было выпито слишком много чачи, и я вынужден этому верить, хотя сам за все поездки в Грузию ни разу не встретил пьяного грузина, да еще страдающего похмельем. Пьяного русского – да, встречал, это был солдат местного гарнизона советской армии, перебравший в увольнении. Виноградное вино и чача из виноградных выжимок, если их употреблять с умом, то есть

с хорошей едой, под красивые тосты, как принято в Грузии, - никогда не дадут эффекта русской бормотухи, водки или самогона, когда не то что есть - жить не хочется. Так что хаши - всего лишь дань традиции, но дань вкусная и питательная сама по себе, независимо от количества выпитого. Поедание хаши, просвещал нас Кукури, - обряд сродни религиозному, исполнять его полагается рано-рано утром. Оказалось, так считает не только он, но и все мужское население Тбилиси, ибо мы, объездив полгорода и посетив едва ли не дюжину заведений, где готовят хаши, всякий раз попадали к пустому котлу. Наше хаши съели раньше нас!

Агибалов этим не огорчился. Его питейная норма - две-три рюмки водки или коньяка по большим праздникам, ужасное слово «похмелье» ему знакомо разве что понаслышке, для него весь смысл поездки заключался в трех словах: грузинский мужской хор. «Не волнуйся, дорогой, - успокаивал его Кукури, - обязательно хор услышим».

Заведение, к которому мы подъехали около 9 утра, называлось «Хинкальная», едоков там было полно, но свободный столик для нас отыскался. Ласковым словом «столик» я назвал большой круглый стол, за которым могли бы усестись человек двенадцать, а нас было всего четверо. Кукури прищелкнул пальцами, что-то прокричал в пространство у себя за спиной, и перед нами, словно по волшебству, появилась круглое медное блюдо с горой дымящихся хинкали.

- Ого, как много! - поразился Агибалов. - Кто это все будет есть?

- Запомни, дорогой, - назидательно поднял палец Кукури, - хинкали никогда не бывает много, всегда бывает только мало.

- Позвольте, а как же хор? - не переставал волноваться Агибалов. - Мы не успеем услышать хор!

- Не беспокойся, все успеем, - урезонил его Кукури. - Оглянись, посмотри вокруг. Видишь? Эти люди - хор. Еще немного, и они петть будут. Но сначала вот что сделаем...

Куда-то отлучившись, он вернулся и поставил на стол стеклянный сосуд литра на полтора, пол-

ный чачи. Принес стаканы, разлил напиток и предложил выпить «за то, чтобы нашим друзьям из солнечной Киргизии понравилось у нас в солнечной Грузии». Леша смотрел на меня умоляюще: какая может быть пьянка, тем более ранним утром, скажи им, Валера!..

Но что я мог сказать, кроме как опорожнить стакан и тем самым поддержать красивый грузинский тост? Агибалов покорно моему примеру последовал - раз, другой... На третий его не хватило. Блюдо с хинкали опустело в полчаса, появилось еще одно, с горой поменьше. Пир продолжался.

Знает даже ребенок: если за столом соберутся трое грузин - следует набраться терпения и ждать, пока они запоют, красиво и слаженно. А тут, в хинкальной, собрались не трое, а все тридцать доморощенных мастеров знаменитого грузинского многоголосия. То и дело люди за одним из столов начинали петть - правда, не хором, а дуэтом или трио, но это уже не имело значения: мой друг Агибалов слушал, вмиг протрезвев, забыв про все съеденное и выпитое.

ВСЕ ВЫШЛО, КАК ХОТЕЛ ВАХТАНГ

Собираюсь в очередную поездку к моим грузинам. Звонит домашний телефон. На другом конце провода - главный редактор журнала «Русский язык в киргизской школе» Лев Аврумович Шейман, выдающийся литературовед, пушкинист, педагог, автор учебников и методики преподавания русской литературы, эти пособия высоко ценили не только учителя-русисты в местных школах, но и преподаватели, работавшие с иностранными студентами. Умница, интеллектуал и просто изумительный, светлый человек, которого любили все, кто знал его лично и даже заочно. Увы, мне приходится говорить о нем в прошедшем времени: тому уж больше десяти лет как Лев Аврумович в лучшем из миров, пусть будет вечная ему память.

- Валерий, - слышу в телефонной трубке голос, мягкий и деликатный, как его обладатель, - у меня к вам огромная просьба. От наших общих знакомых я узнал, что вы на днях летите в

Тбилиси. Не возьметесь ли передать от меня моему тбилисскому коллеге Александру Немсадзе из Института педагогических наук привет и два свежих номера нашего журнала впридачу? Разумеется, если это вас не затруднит...

Чтобы меня затруднила просьба человека, к которому я относился с обожанием?! Да кто ж я буду после этого?

Александр Александрович Немсадзе, получив из моих рук пакет, вынул оттуда журналы, один - бегло пролистал, потом что-то начеркал в блокноте, вырвал листок, протянул мне:

- Здесь мой домашний адрес. Обычно мы с женой после 6 часов вечера дома. Будем рады вас принять у себя.

На мое робкое бормотание «не стоит вам беспокоиться, я всего лишь выполнил просьбу Льва Аврумовича», хозяин кабинета встал, упершись кулаками в стол, и произнес негромко, но внятно:

- Молодой человек, если вы отказываетесь побывать за столом в моем доме, я не желаю вас больше знать.

Тот самый случай, когда угроза действует сильнее любых уговоров. Пришлось дать слово, что обязательно приду.

Дня через два, пешком спустившись с горы Мтацминда в город, я обнаружил, что нахожусь в двух шагах от дома, в который был столь решительно приглашен. Глянул на часы - половина седьмого. Подходящее время для визита. Вхожу в подъезд, поднимаюсь на третий этаж, звоню в квартиру, номер которой записан в листке из блокнота. Ответа нет. Звоню еще раз, и еще - результат тот же. Стою на площадке, дожидаясь хозяев. По лестнице поднимается мужчина в хорошем теле, на ходу вынимает из кармана ключи. Кожей ощущаю неудобство своего стояния: вон как внимательно он смотрит на меня, еще подумает, что я жулик.

- Не подскажите ли, - обращаюсь к мужчине, уже собравшемуся открывать дверь квартиры напротив, - когда ваши соседи Немсадзе возвращаются домой?

- Когда они возвращаются, я не знаю, - мужчина грузно раз-

Ждал одного Шота Гогоадзе, а встретил сразу двух. Фрунзе, 1984 г.

вернулся в мою сторону, — но вам здесь стоять не разрешаю. Пр-р-рашу!

С этими словами он рукой указал мне путь... нет, не вниз по лестнице, а к двери, которую уже успел открыть ключом. А чтобы я не сомневался в серьезности его намерений, мощной ладонью поддел меня за поясницу и, словно оловянного солдатика, буквально вставил в прихожую. И крикнул вглубь своего жилья, откуда несло ароматами ни с чем не сравнимой грузинской кухни:

— Манана, ужин готов? У нас сегодня гость!

Манана — красавица, но комплекцией явно не спортсменка, вышла в прихожую, на ходу вытирая руки полотенцем.

— Ты разве забыл, Вахтанг, что в это время ужин у меня всегда готов? Уже на стол накрываю. Проходите, уважаемый гость, почувствуйте себя, как дома.

— Да мне бы Немсадзе дожидаться, — слабо сопротивляюсь я гостеприимству хозяев, — он вот-вот появится, и что мы ему скажем?

— Скажем, чтобы вовремя домой приходил, — хохотал Вахтанг. — Будет знать, как задерживаться на работе. Не беспокойся, дорогой, я услышу, когда он придет, и приведу сюда.

Получилось по слову Вахтанга: мы уже успели «принять по первой», когда он, услышав шум на лестничной площадке, покинул меня «на минуточку», а вернулся,

подталкивая перед собой, будто простого инженера, профессора, кандидата педагогических наук Александра Александровича Немсадзе. Тот, весь — смущение, стал оправдываться:

— Простите, неудобно получилось! Мы с Бертой всегда к этому времени возвращаемся, а сегодня, как назло... Еще раз прошу меня простить. Ну, а теперь, пожалуйста, к нам...

Вахтанг, настоящий хозяин положения, заявил решительно:

— Э, нет, Саша, дорогой, ты меня плохо знаешь, если думаешь, что я позволю вот так запросто увести гостя из моего дома. Мы сначала выпьем и съедим все, что на этом столе, потом пойдем к тебе. Вот тебе стул, генцвале, садись. Держи стакан...

И снова вышло, как хотел Вахтанг.

Домой к друзьям в Авлабаре меня доставили на такси. Остального не помню, хоть убейте...

ШОТА МЕЛЕНТЬЕВИЧ, НЕ НАШ ЧЕЛОВЕК

На этом снимке, сделанном в мае 1984 года перед нашим домом во Фрунзе по улице Камской, 2, мы только что прибыли из аэропорта — встречали будущую студентку Киргизского пединститута русского языка и литературы Хатуну Гогоадзе и ее родителей.

Очкарик, единственный на всю компанию, — я; юная красавица, что скромно выглядывает из-за моего плеча, — Хатуна, чуть левее — Кира Агибалова и

ее сын Гриша, справа от меня — Лили и Зарема; оставшиеся двое мужчин — полные тезки. Крайний справа, среднего роста и скромного вида — муж Лили, отец Хатуны и мой друг Шота Сергеевич Гогоадзе. Высокий, статный, в модной рубашке с галстуком, с сумкой через плечо — Шота Мелентьевич Гогоадзе, мой армейский сослуживец, которого я когда-то безуспешно искал. Если не считать трех лет службы в армии, он никуда надолго не выезжал из своего родного, хоть и не столь знаменитого, как Тбилиси, города Махарадзе. Как отыскался? Его тбилисский приятель переслал ему газету с моей зарисовкой, сопроводив вопросом: «Читай, тут случайно не про тебя написано?» Он прочитал и понял, что «случайно» про него. Приехал в Тбилиси, пришел по адресу, указанному в зарисовке, постучал в квартиру своего тезки и однофамильца, и когда тот открыл дверь, сказал:

— Гамарджоба! Я — Шота Гогоадзе.

— Гагимарджос, — было сказано ему в ответ. — Я тоже Шота Гогоадзе.

Узнав, что тбилисский Шота, его жена и дочь собрались лететь к нам в Киргизию, Шота махарадзевский сказал, что полетит с ними. Авиабилет в оба конца достался ему даром: каким-то хитрым способом он оформил командировку от городского Дворца культуры, где работал кем-то вроде хударука. Наша встреча, первая за двадцать лет после дембеля, оказалась последней. Взяв с меня слово, что в очередной визит в Грузию я приеду к нему в Махарадзе, он улетел вместе с Шота и Лили, оставившими Хатуну на нашем попечении, по прилете несколько дней гостил у них, успев за это время совершить поступок, недостойный грузина. Узнал я об этом осенью того же 1984 года, когда прилетел в Тбилиси на праздник Тбилисобоа. Привык во все прежние приезды видеть на стене в гостиной старинный грузинский меч, доставшийся семье Гогоадзе от прадеда, а тут смотрю — пустая стена. Спросил у Лили — куда делся меч, она отвернулась и заплакала. Потом все же, взяв с меня слово, что я не выдам ее мужу, рассказала.

– Мы из аэропорта вошли в дом. Мелентьевич, как только увидел меч, стал просить моего Шота: «Подари! Я собираю старинное оружие, а такого экземпляра в моей коллекции нету...» Мой Шота говорит: «Возьми все, что тебе понравится в доме, а меч отдать не могу, он не только мой, принадлежит семье, просто у меня хранится». Тот не отстаёт: подари, и все! То же самое на второй день. На третий, когда я ушла на базар купить мясо и зелень на обед, мужчины остались дома, сидели, пили вино, Мелентьевич продолжал уговаривать моего Шота, и тот не выдержал: «Бери и уходи, пока Лили не вернулась». Он так и сделал. Потому что знал: я его не выпущу с мечом.

Дослушав рассказ Лили, я ушел в комнату, взял чистый лист бумаги и написал: «Дорогой Шота, гамарджоба! Я приехал в Грузию, как и собирался. Очень хочу побывать у тебя в гостях. Но сначала приезжай ты и захвати с собой меч, который выпросил у моего друга. Мне трудно поверить, что ты забыл, какое место занимает такая реликвия в грузинском доме. Жду тебя с мечом. Потом вместе поедим к тебе в Махарадзе».

Грузия – маленькая страна, письма здесь доходят быстро. Уже на четвертый день почта доставила письмо из Махарадзе: «Не думал, что вы с Шота Сергеевичем такие жмоты. Да у меня полный дом таких железок, могу вам привезти штук пять...»

Тут же пишу ответ: «Дорогой, не надо пять мечей, привези один – тот, который забрал».

На сей раз Шота Мелентьевич Гогуадзе промолчал. И я вычеркнул его из числа своих знакомых. Но не вычеркнул чувство собственной вины за происшедшее. Потому что не будь той давней истории с поисками армейского приятеля, не появился я в октябре 1966 года в квартире на Орджоникидзе, 77 – век бы не знал тбилисский Гогуадзе своего тезку из Махарадзе, и меч, оставшийся от прадеда, не пополнил бы чужую коллекцию «железок»...

...Хатуна экзамены в институт успешно сдала, была зачислена, все годы учебы жила в нашей семье, став нам с женой наре-

ченной дочкой, а нашим детям Марине и Саше – названной сестрой. За полгода до защиты диплома мы помогли ей перевестись в такого же профиля грузинский вуз, чтоб не попасть на «отработку» в какой-нибудь горный киргизский аил. Диплом она защищала у себя дома, в Тбилиси.

На этой фотографии октября 1984 года – мой добровольный гид и постоянный спутник в дни праздника всех грузин Тбилисба, писатель и публицист Теймураз Мамаладзе (Степанов). Нет нужды перечислять регалии этого человека, хорошо известного всей Грузии, замечу лишь, что мы познакомились, когда он был директором Грузинформ, а я работал в Киргизском телеграфном агентстве. В следующем году, когда Э.А. Шеварднадзе возглавил союзное министерство иностранных дел, Мамаладзе стал его помощником и в этом качестве посетил десятки стран, участвуя в дипломатических переговорах на высшем уровне. При своей колоссальной занятости он выкраивал время, чтобы ответить на мое письмо и телефонный звонок. В июне 1992 года мы с женой приехали в Москву, откуда из Шереметьево-2 должны были улететь в эмиграцию, я ему позвонил, сказал, что хочу проститься, а он предложил подъехать к нему на Смоленскую площадь. В вестибюле МИД мы пожали друг другу руки – оказалось, в последний раз: через семь лет Теймураз Георгиевич скончался от тяжелой болезни.

В октябре 1991-го я в последний раз приехал в Тбилиси – попрощаться с семьей Гогуадзе перед эмиграцией в Штаты. Мы сидели за столом в их новой квартире, куда они переехали, поменяв старый район Авлабар на новый микрорайон Варкетили-2, и отмечали две даты: день рождения моей «грузинской дочки» Хатуны и 25-ю годовщину случайной путаницы, с которой началась наша дружба, переросшая в братство. Грустили о предстоящей разлуке, обещали, что непременно свидимся, хотя и понимали, что это будет непросто из-за огромных расстояний, возраста, будущих болезней и Бог ведает каких еще причин. Но

Валерий Сандлер и Теймураз Мамаладзе

исправно с тех пор писали друг другу письма, слали фотографии, звонили по телефону.

В 2009 году Шота тяжело заболел и умер. Думаю, это был единственный раз, когда он, с его большим добрым сердцем, готовым открыться каждому, кто в этом нуждался, огорчил свою жену Лили, дочерей Хатуна, Лелу и Майю, многочисленных друзей. В этом дружеском ряду и мне нашлось место. У меня дома на видном месте стоят деревянные кубки, выточенные его талантливой рукой. Шота был искусным резчиком по дереву, он реставрировал старинную мебель, мог по заказу новую мебель изготовить, люди к нему в очередь записывались за полгода...

Электронные письма и звонки по телефону соединяли грузинский Тбилиси поначалу с американским Нью-Йорком, позже – с городом Уоллд Лейк в штате Мичиган, несколько лет назад к этим проверенным средствам связи добавился Skype. Хатуна и ее муж Давид (Сулико) Мчедlishvili вырастили двух замечательных детей – Георгия и Марию, пару лет назад стали бабушкой и дедушкой: Георгий и его жена Нино подарили родителям красавицу-внучку Софию, Софику. Мария замуж не торопится, бережет свою свободу.

В составе сборной СССР. 1960-е годы

ФУТБОЛИСТ МЕЧТЫ

К 80-летию со дня
рождения Славы Метревели

■ Демико ЛОЛАДЗЕ

Во всем мире насчитывается лишь несколько десятков футболистов, которым выпала честь быть приглашенными в сборную команду мира. Слава Метревели входит в это число избранных благодаря своим блестящим выступлениям на стадионах Европы и Южной Америки. Его имя сверкает в одном созвездии великих – рядом с именами Ди Стефано, Пеле, Гарринчи, Эйсебио, Беккенбауэра, Яшина...

Этот футболист не был рожден и воспитан в крупном спортивном центре. Но его футбольное мастерство формировалось в курортном городе Сочи, который в Советском Союзе иногда образно называли «весенней столицей футбола»: весной там проходили тренировочные сборы сильнейших команд СССР.

Как гласило семейное предание, Славе было всего года два,

когда отец вывел его на футбольное поле и дал для игры воздушный шарик. Сам Слава с трудом вспоминал, когда в первый раз занялся футболом. Наверное, это было его естественное призвание, которое, к счастью, родственники распознали сразу же и до определенного времени не мешали подростку играть в футбол. В возрасте пятнадцати-шестнадцати лет уже ясно вырисовывается будущее настоящего футболиста. Но, видимо, Метревели любил играть больше, чем того хотелось его отцу. Отец, как оказалось, совсем не был заинтересован в том, чтобы мальчик стал футболистом. Слава должен был продолжить семейную традицию и стать... поваром. Поварами были его отец и дед, и эта же участь ожидала молодого человека, одаренного великолепными футбольными данными.

Слава Метревели в форме сборной ФИФА

Начиная с 1952 года, в дом зачастили футбольные тренеры, зазывавшие Славу каждый в свою команду. Родители всем отвечали отказом. К тому времени 16-летний Метревели играл в сочинской команде юниоров «Спартак». Однажды семью Метревели посетил начальник команды команды горьковского «Торпедо» Николай Мамулашвили. Он оказался крепким орешком и не ушел до тех пор, пока не добился согласия. И сочинский подросток очутился в Горьком.

Однако я должен вспомнить один малоизвестный факт. До переезда в Горький врач популярной тбилисской команды ТОДО Алико Чичуа, который видел игру Метревели в Сочи, рекомендовал его пригласить. Но в нашей столице руководство команды взглянуло на приехавшего Славу и... на этом все за-

Юные годы Славы Метревели

Сборная СССР - обладатель Кубка Европы. 1960

кончилось.

Если кто-нибудь думает, что, перейдя из провинциальной команды в сильный коллектив, тем более, в основной состав, адаптироваться и играть легко, пусть обратится к примеру Славы Метревели. Он навсегда запомнил, как в первом же матче его поставили в основной состав и как он убежал в раздевалку. Неопытный юноша оторопел от ужаса, увидев огромный стадион, заполненные трибуны и, что самое главное, ощутив ту ответственность, которая должна была лечь на его плечи. Тем более что горьковское «Торпедо» играло не дома, а в гостях – с «Ростсельмашем» в Ростове. С увещеваниями дебютанта вернули на стадион. Но самое удивительное – Метревели скоро отбросил панический страх и свободно заиграл рядом со старшими партнерами. Тот матч горьковчане выиграли со счетом 6:0, и два мяча забил Слава Метревели.

Очевидно, что никто не взял бы подростка в серьезную команду с такой легкостью. Чем же покорила такой юный футболист сердца незнакомых тренеров? По мнению самого Метревели, он хорошо владел мячом, легко прокладывая дорогу к воротам соперника финтами и дриблингом. Конечно, у него были и другие преимущества, но об этом

лучше знали его тренеры. Так или иначе, Метревели твердо занял место в основном составе команды класса «Б», куда его с радостью пригласили, и, как доказало время, не ошиблись.

А летом 1956 года в Горьком произошло следующее. После товарищеского матча между местной командой и столичным «Торпедо» старший тренер московичей Константин Бесков, восхищенный игрой Метревели, попросил его проводить гостей на вокзал. Слава пришел на перрон, поднялся в вагон. И Бесков... запер купе. Поезд тронулся. По дороге Бесков успокаивал Славу, объясняя, что тому не надо беспокоиться, что он обо всем договорится с горьковчанами. Так с июля 1956 года С.Метревели обосновался в команде московского автозавода в основном составе рядом с такими мастерами футбола, как Валентин Иванов и Эдуард Стрельцов.

В этой команде он завоевал одну золотую и две серебряные медали чемпионата страны, стал обладателем Кубка СССР, а затем отправился в Тбилиси.

Переход Метревели в тбилисское «Динамо» вызвал большой ажиотаж. Называли (без всякого на то основания) большую сумму, которую он якобы запросил. У всех на языке были имена меценатов, которые финан-

сировали его перевод. В конце 1990 года Слава Калистратович вспоминал: «Когда меня приглашали в тбилисское «Динамо», я, конечно, колебался, ведь в тогдашней команде светились звезды, и, в первую очередь, Месхи. Согласилось бы «созвездие» принять в свои ряды человека, который не хотел занимать второстепенные места? На самом деле, меня попросили Шавгулидзе и Яманидзе. И я приехал. Вот так это было. Мечтой любого грузинского футболиста было играть в «Динамо». В связи с этим хочу вспомнить один случай, когда однажды в Москву приехал Миша Месхи и сказал мне: «Слава, если кто-нибудь и не хочет твоего переезда в Тбилиси, то это должен быть я, так как сегодня в команде я – первый, а что будет после твоего приезда, бог знает. Но, несмотря на это, я советую тебе приехать – когда придет время, и ты уйдешь из большого футбола, Грузия оценит тебя по заслугам, ты останешься заметным, уважаемым человеком. А здесь ты можешь затеряться». После таких достойных откровенных слов я не мог ответить отказом».

В «Динамо» Славу встретили Михаил Месхи, Шота Яманидзе, Владимир Баркая, Серго Котрикадзе, Гиви Чохели, Заур Калоев, Муртаз Хурцилава, Георгий Сичинава, другие блестящие

Грузинские футболисты с легендой футбола Пеле

Тбилисское «Динамо» — чемпион СССР. 1964

спортсмены. Динамовцам не хватало лишь одного футболиста, того, который объединил бы команду и привел бы к золотым медалям.

Футболку тбилисского «Динамо» Слава надел 31 марта 1963 года на игру с ленинградским «Зенитом». Выступил великолепно, и «Динамо» выиграло матч со счетом 4:0. Однако мало кто знает о том, что когда весь Тбилиси ждал первого выступления Славы, у него под мышкой образовался фурункул и его участие в матче с «Зенитом» было под вопросом. Понадобилась срочная операция. В Институте хирургии профессор Зураб Симония сделал все, чтобы наш зритель не был разочарован.

В 1964 году «Динамо», наконец, праздновало большую заслуженную победу в чемпионате СССР. В этом, в первую очередь, была огромная заслуга Славы Метревели. Тбилисцам требовался

именно такой правый нападающий — уникально техничный, результативный, быстрый и мыслящий. А в жизни это был очень добрый, любящий товарищей человек.

Выдающийся вратарь тбилисского «Динамо» Серго Котрикадзе на годовщине легендарного футболиста признался автору этих строк, что Слава Метревели был единственным в Грузии, второго такого не было, нет, и дай бог, чтобы такой родился бы на нашей земле в XXI веке. Блестящие техника Славы, скорость, игровое чутье приводили защитников противника в большое замешательство. О его универсальности можно сказать только одно — когда того потребовали интересы команды, и его перевели в центр нападения, он и там также проявил себя высоким мастером. Он не только отлично руководил нападением, но и был одним из лучших бомбардиров чемпионата СССР 1964 года. Слава был прекрасным партнером, глубоко знал «грамматику» футбола и понимал любой нюанс каждого матча.

Российский журналист Мартын Мержанов в книге «Еще раз про футбол» вспоминает триумфальное турне сборной СССР по Южной Америке в 1961 году. После окончания матча со сборной Аргентины восторженные зрители выскочили на поле и погнались за нашими футболистами. Их целовали, обнимали, просили автографы. Самые темпераментные болельщики стянули с Метревели футболку и разорвали на сувениры. А Мише Месхи... удалось сбежать. Автобус с футболистами окружила многотысячная толпа. Болельщики кричали: «Браво, Месхи!», «Браво, Метревели!» На второй день пресса пестрила портретами этих футболистов. А в одной газете было такое объяв-

Атакуют Слава Метревели!

ление: «Месхи – 50 миллионов песо, Метревели – 50 миллионов песо, Яшин – бесценен».

Метревели был легким и воздушным форвардом. Его игра была похожа на грузинский танец. Он передвигался по полю, будто не касаясь ногами земли, создавалось впечатление, что он летает над полем. Техника у него была мягкая, незаметная. Любые, самые сложные футбольные элементы, он выполнял без малейших усилий. В тоже время он был атлетом, и каким! Бегал быстрее всех, прыгал выше и дальше всех. На тренировках с легкостью поднимал 100-килограммовую штангу.

Его заслуги были очевидны, но его участие в сборной страны часто ставилось под вопрос. Его изысканное мастерство, зачастую – очень утонченное, импонировало не всем тренерам. Многим к тому же были не по душе его характер, умение сказать меткое словцо. На мировом чемпионате в Англии в 1966 году Слава Метревели вышел на поле только дважды. Известный спортивный обозреватель Лев Филатов тогда писал: «Международный журналистский корпус был в ярости – как можно было держать такого игрока в запасе? Ответ не мог дать ни один из нас». В 1970 году, на чемпионате мира в Мексике, Метревели числился в сборной СССР, но руководство не дало ему возможности принять участие ни в одном из матчей...

Перед началом чемпионата СССР 1971 года Славе Метревели начали твердить, что, мол, теряешь скорость. А ведь он был самым быстрым в забегах на 30, 50 и 100 метров. Потом стали утверждать, что у него нет былой выносливости. Это у него-то, который неизменно побеждал в кроссах! Одним словом, у него «обнаружили» тысячу минусов, затем и вовсе не ставили в основной состав – за весь сезон он принял участие только в семи матчах. И Слава решил оставить спорт. (Кстати, в 1969 году аналогично поступили и с Михаилом Месхи, который принял участие лишь в четырех матчах за сезон и вынужден был уйти из спорта).

Слава Метревели передает майку Владимиру Гуцаеву

Памятник Славе Метревели в Сочи

12 ноября 1971 года на стадионе «Локомотив» (ныне – имени Михаила Месхи) в последнем матче сезона динамовцы принимали московский «Спартак». Это был прощальный матч Славы Метревели. В тот день товарищи по команде подняли на руки суперзвезду футбола и так вышли на поле. Свое место Слава уступил 19-летнему Владимиру Гуцаеву, который достойно продолжил спортивный путь великого предшественника.

Грузинский народ никогда не забудет кристально чистую личность, волшебника футбола, который создавал шедевры игры, радовал и воодушевлял высочайшими, незабываемыми голами, победами, и ушел из этого мира тихо.

Слава Метревели везде, где ему приходилось жить и работать, оставил неизгладимый след. Он был гордостью нации и страны. В мировом футболе не так уж много мастеров, чья игра никогда не сотрется из памяти. К счастью, к этому числу принадлежит и Слава Метревели. Его имя золотыми буквами вписано в историю мирового спорта.

ЛЕГЕНДАРНЫЙ СОЛЛЕРТИНСКИЙ

Выдающийся русский музыковед в грузинском ракурсе

■ **Гулбат ТОРАДЗЕ**

Легендарный. Написал это слово и задался вопросом: к кому из музыковедов всего мира может быть отнесен этот сверхлестный эпитет? Долго думал, да так и не вспомнил другого.

Что и говорить, музыковедов, в прошлом и настоящем, на планете великое множество, написаны Гималаи различных музыковедческих трудов, гораздо больших числом, более фундаментальных и капитальных (в кавычках и без), чем у Соллертинского. Но тем не менее лишь его образ запечатлелся навечно в сознании современников, как личности легендарной, память о котором переходит из поколения в поколение.

Причиной тому, разумеется, выдающиеся человеческие и профессиональные качества Ивана Ивановича: феноменальная память и эрудиция во всех областях гуманитарных знаний, владение более чем двадцатью языками, исключительное ораторское искусство, позволяющее облекать поток захватывающе интересной информации в чеканную и сверкающую словесную форму, и, конечно, безупречное мастерство письменного изложения.

Наряду со сказанным, немаловажную роль играла поистине магнетическая власть над людьми – не только слушателями его завораживающих публичных лекций, но и представителями творческой элиты, веселый, общительный нрав, остроумие, непримиримое отношение к пошлости, прозаичности, тривиальности.

Порой воспоминания людей, знавших Соллертинского, особенно, очевидцев его публичных выступлений в Большом зале Ленинградской государственной филармонии («Прекрасное место на Земле» – по определению Ираклия Андроникова) со вступительными словами к концертам,

Иван Соллертинский

кажутся сильно преувеличенными, гиперболизированными. Но не могу ни на минуту усомниться в искренности воспоминаний таких уважаемых людей, как профессора Тбилисской консерватории, ныне покойные Владимир Григорьевич Донадзе, Павел Васильевич Хучуа, Тамара Иосифовна Чарекишвили.

Так вот, по их рассказам, они неоднократно становились свидетелями удивительного явления: после окончания вступительного слова Соллертинского к концертам, часть (пусть даже очень небольшая) людей выходила из зала. Стало быть, люди специально приходили на концерт – слушать Соллертинского! Фантастика, не правда ли?

Родившись в Витебске и скончавшись в эвакуации в Новосибирске, он почти всю свою сознательную жизнь провел в Ленинграде, кумиром интеллигенции которого был все эти годы.

Первое, что бросается в глаза при знакомстве с трудами Соллертинского, – это исключительная широта эстетического кругозора, разнообразие интересов. Он разрабатывал вопросы симфонической, а также оперной и балетной драматургии, его занимали проблемы Венской классической школы, романтизма, зарубежной музыки XIX и начала XX века, советской музыки 20-40-х годов. Соллертинскому принад-

С Дмитрием Шостаковичем и Алисой Порет

лежат первые блестящие оригинальные работы на русском языке о Г.Малере, К.Глюке, Ж.Оффенбахе, Б.Сметане, А.Шенберге. Совершенно исключительна роль Соллертинского в творческом формировании Д.Шостаковича – его ближайшего друга, произведениям которого он посвятил множество статей. Среди них одна – с провидческим названием «Нос» – орудие дальнобойное» – об опере Шостаковича. Он первым по достоинству оценил гениальную VIII симфонию Шостаковича, поставив ее даже выше знаменитой VII «Ленинградской симфонии».

В свою очередь, композитор посвятил памяти друга самое скорбное свое сочинение – замечательное фортепианное трио №2 и несколько глубоких и проникновенных статей и писем.

Говоря о Соллертинском, невозможно не сказать о его неистощимом остроумии, саркастичном юморе.

Список юмористических перлов Соллертинского поистине огромен. Небольшая часть из них помещена в моей книжке «Музыканты смеются» – на грузинском языке.

За свою короткую жизнь (1902-1944) Ивану Ивановичу, к сожалению, не довелось побывать в Грузии. Но судьба не раз сводила его с грузинскими музыкантами. В частности, он был дружен с Андреем Мелитоновичем Баланчивадзе. Соллертинский присутствовал на премьерах Первого фортепианного концерта и балета «Сердце гор» Баланчивадзе в Ленинграде, которые ему очень нравились.

Мною записаны интересные воспоминания Андрея Мелитоновича о Соллертинском (напечатанные в книге «Памяти И.И. Соллертинского». Л. 1978). Очень содержательна обширная статья Ираклия Андроникова «Слово о Соллертинском», помещенная в той же книге.

Не могу не рассказать полудетективную историю, связанную, наряду с Соллертинским, и с выдающимся грузинским музыковедом В.Донадзе. Начну с того, что Донадзе – единственный музыковед вообще, о котором комплиментарно высказался Соллертинский: «Связь Симфонии g-moll Моцарта с романтическим симфонизмом монологического типа хорошо обоснована в талантливой работе В.Донадзе – Симфония h-moll

Шуберта».

Как-то в начале 80-х, просматривая список работ Соллертинского, я, к своему большому удивлению, обнаружил такую запись: «10 июня 1938 г. Выступление на заседании историко-теоретического факультета Ленинградской консерватории, посвященное обсуждению работы В.Г. Донадзе «Симфония h-moll Шуберта». Невероятно заинтригованный, я тут же позвонил Владимиру Григорьевичу, который ответил, что во время обсуждения его работы он находился в Тбилиси и даже не подозревал о существовании протокола заседания. Звоню в Ленинград к сыну И. Соллертинского – моему другу – Дмитрию Ивановичу (Мите). Тот подтверждает: да, рукопись хранится у него, и он вышлет ее по необходимости.

И вот стенограмма в Тбилиси. С волнением беру в руки пожелтевшие страницы, читаю высказывания известных советских музыковедов – Р.И. Грубера, С.Н. Богдавленского, П.А. Вульфуса и, конечно, И.И. Соллертинского, где как раз развивается вышеприведенный тезис о «талантливой работе В. Донадзе».

А если говорить в хронологической последовательности, Иван Иванович вошел в мою жизнь за много лет до этого, в частности, осенним днем 1946 года, когда я приобрел тоненькую книжку И. Соллертинского «Избранные статьи о музыке». Книга захватила меня головокружительным каскадом богатейшей информации, пронизывающей ее «сверхмузыкальностью», блеском литературного изложения. Вскоре довелось услышать уморительный «устный рассказ» Ираклия Андроникова, в котором ярко воссоздан образ (правда, по словам знавших Соллертинского, несколько шаржированный) знаменитого музыковеда. Ну, а затем пришло время познакомиться с главными трудами Соллертинского, навсегда сделавшими его моим кумиром. Многие дала мне

На трибуне И. Соллертинский

С Дмитрием Шостаковичем

дружба с сыном Ивана Ивановича – Дмитрием и его супругой – известным музыковедом Людмилой Викентьевной Михеевой (Соллертинской), кстати, составителем упоминавшейся выше книги «Памяти Соллертинского» и автором монографии о Соллертинском. От них я узнал много нового о замечательном музыковеде. Несколько раз побывал в его квартире в Ленинграде на Крестовом острове, получив незабываемые впечатления.

А лет 15 назад я сделал для себя буквально потрясшее меня открытие. Как-то, листая все ту же книгу, я наткнулся на фотографию с такой надписью: «Торжественное заседание, посвященное

50-летию со дня смерти П.И. Чайковского, Москва, 14 ноября 1943 г. Докладчик И.И. Соллертинский».

И тут меня осенило! Боже мой, да ведь я слушал это выступление, я слышал живого Соллертинского!

Объяснимся, как любил говорить М. А. Булгаков. Да, действительно, в 1943 году, в самый разгар кровопролитной войны, советское правительство сочло необходимым провести вечер памяти великого русского композитора.

Сообщение о предстоящем торжественном вечере несколько раз передавалось по радио, и я с нетерпением ожидал его в предвкушении концертного отделения. К моему огорчению, сам концерт начался с опозданием из-за затянувшейся торжественной части. Запомнился мне говоривший по радио человек, который своим высоким тенором в стремительном темпе рассказывал о жизни и творчестве Чайковского.

Конечно же, это был Соллертинский, как я понял, увы, с полувековым опозданием. Должен сказать, что это «открытие» наполнило меня неизъяснимой радостью и нравственным удовлетворением. Несколько дней я ходил счастливый.

И вот теперь, окидывая взором свой жизненный путь, прихожу к выводу, что одним из тех, кого могу назвать своим духовным спутником жизни, кто сыграл очень важную роль в определении моего призвания и в выборе профессии, а еще шире – в приобщении к миру высокой музыки, был выдающийся русский музыковед, легендарный Иван Соллертинский.

SINCE 1884

SARAJISHVILI

ს ა რ ა ი შ ი ვ ი ლ ი

**МЕМОРИАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС
«БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ-ГЕРОЙ»**

